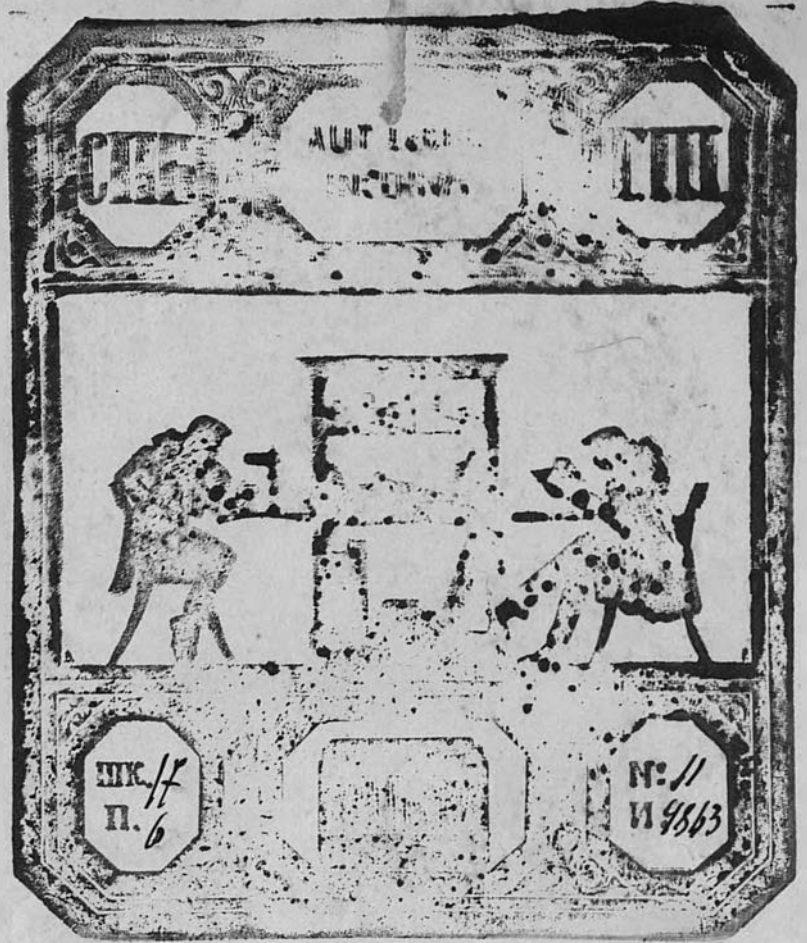

4863

14-6-11

№

1

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію за годъ (50 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 30 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру номера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографіи П. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Гиса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Салаевыхъ, Соловьева, Черенина и Глазунова, въ магазинахъ Передовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. П. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Двѣ потери нашего театра. — Московскій театр (Бенефисы г-жи Александровой и г. Соколова). — Спектакли Артистическаго Кружка. — Надписи къ портретамъ двухъ пѣвицъ. — Смѣсь (Новыя пріобрѣтенія московской сцены. Предстоящія поности на этой сценѣ. Новыя пѣсы. Улучшеніе въ бытѣ хористокъ. Опера Глинки въ Кіевѣ. Изъ Смоленска. Представленіе еофокловой „Антигоны“. Арестъ. Русская дебютантка въ Парижѣ. Новый театр. Право свистка). — Объявленія.

ДВѢ ПОТЕРИ НАШЕГО ТЕАТРА.

I

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАЖЕНОВЪ.

Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ пишу я эти строки: того, кому *Антрактъ* обязанъ своимъ существованіемъ, того, кто былъ его основателемъ и редакторомъ съ самаго начала существованія этой газеты, уже нѣтъ въ живыхъ: Александръ Николаевичъ Баженовъ скончался 30 сентября прошлаго года.

Скажу, не обмануясь, это большая потеря для театра, горячо любимого покойнымъ. Руководимый этою любовью, онъ большую часть своей дѣятельности посвящалъ театру. Еще ребенкомъ онъ устраивалъ у себя домашніе спектакли, для которыхъ онъ былъ и авторомъ, и актеромъ, и декораторомъ, и композиторомъ; студентомъ онъ ставилъ на московскую и петербургскую сцены свои пѣсы, хотя впоследствии признаваемые слабыми самими покойнымъ, но имѣвшія въ свое время успѣхъ, какъ напр. *Бѣдовая бабушка*, *Любовный напитокъ* и др.

Вскорѣ по выходѣ изъ университета, а именно въ 1858 году, онъ началъ писать критическія статьи о театрѣ, и онѣ то составляютъ главное въ его дѣятельности, посвященной на пользу театру.

Первыя статьи его о театрѣ были помѣщены въ Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ; потомъ онъ

писалъ о московскомъ театрѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Развлеченіи*, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и, наконецъ, съ 1-го января 1864 г. основалъ свой собственный, первый въ Москвѣ по времени театральныя журналы, *Антрактъ*.

Покойный придавалъ театру высокое значеніе; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить всю его критическую дѣятельность и особенно статью его «Нѣсколько словъ о нравственномъ значеніи театра», помѣщенную въ *Антрактѣ* 29 марта 1864 г., хотя и съ большими измѣненіями противъ подлинника. Сознвая высокое значеніе театра, онъ смотрѣлъ на служеніе ему, какъ на дѣло весьма серьезное, и относился къ этому дѣлу со всѣми силами своей даровитой, любящей, честной и искренней натуры.

Вполнѣ цѣвя великое значеніе печатнаго слова, онъ постоянно помнилъ, что со словомъ надо обращаться честно, и это было лозунгомъ всей его литературной дѣятельности и главнѣйшею причиною, что она принесла благотворные результаты.

Когда А. Н. Баженовъ началъ свою критическую дѣятельность, французская мелодрама царила на русской сценѣ; онъ показалъ весь вредъ подобнаго рода пѣсень для русской сцены, и ему, по всей справедливости, принадлежитъ честь, что онъ много содѣйствовалъ согнанію со сцены французскихъ мелодрамъ своимъ полнымъ знаніемъ дѣла и вполнѣ добросовѣстнымъ

статьями, писанными имъ о театрѣ еще до начала изданія *Антракта*.

Когда съ 1-го января 1864 г. началось изданіе *Антракта*, французская мелодрама уже была согнана со сцены. Но одно зло замѣнилось другимъ. Впрочемъ пусть говорятъ самъ покойный о томъ положеніи, въ которомъ былъ московскій театръ при началѣ изданія *Антракта*, т. е. въ началѣ 1864 г. «Отдѣлавшись отъ одной крайности, мы «сейчасъ же впали въ другую. Понадобились оригинальныя пьесы, и за ними дѣло не стало: онѣ явились въ огромной массѣ; жаль только, что количество ихъ оказалось «обратно пропорціональнымъ ихъ качеству. Не ругаясь за вкусъ, наши драматическіе авторы стряпаютъ «горячо, подаютъ все, что у кого найдется въ печи... «Не подумавъ о томъ, что театръ, по выраженію Флешера, долженъ быть великолѣпною триумфальною аркою «для дѣйствительной жизни (Aest. III, 455), а драма — «поэзіею поэзии (III, 376); забывая, что не все жизненное годно для сцены, хотя на сценѣ должно быть «все отъ жизни, у насъ на сцену несутъ все: и торжественную пустоту какого-нибудь свѣтско-гостиннаго «разговора, и одраматизированную прописную мораль, «и залежавшіеся скандальскіе анекдоты, и скоромную «сцену ночной гулянки во всей ея неприкосновенности, «и крѣпкое русское словцо, и чисто французскую «влюбчивость въ титула, и острогъ, и кабакъ, и всякую «всячину. Въ добавокъ, пьесы пишутся такъ, какъ Богъ «на душу положитъ; объ особенныхъ условіяхъ для «сценическихъ произведеній и не думаютъ; самыя «гомеопатическія дозы содержанія они разводятъ огромнымъ количествомъ воды. Впрочемъ, говоря даже о тѣхъ «пьесахъ, которыя теперь смотримъ мы, нельзя не сознаться, что, если на нихъ вѣтъ той, по выраженію Ретшера, «тѣсной пыли, которая даетъ особенную прелесть лепесткамъ цвѣтовъ, крыльямъ бабочекъ художественнымъ «произведеніямъ, то они не обсыпаны пылью ядовитымъ «порошкомъ, густымъ слоемъ котораго покрываются «большую часть произведеній современной французской драматургіи и который имѣетъ свойство въ конецъ вытравлять, постреблять въ нихъ жизнь, какъ «персидская ромашка имѣетъ свойство истреблять клоповъ... Само собою разумѣется, что желаніе болѣе «простора и усилій на нашей сценѣ пьесамъ оригинальнымъ, мы далеки отъ крайности и не отказываемся отъ удовольствія видѣть все хорошее переводное; «а господствующее теперь (въ 1864 г.) у насъ полнѣйшее «равнодушіе къ классическимъ произведеніямъ иностранныхъ драматическихъ литературъ, по нашему мнѣнію, до «нельзя странно и просто предосудительно. «Поэтъ», «говоритъ Эккерманъ (Gesprache) — какъ человѣкъ и «гражданинъ, любитъ свое отечество, но отечество его «поэтическихъ сплъ — въ добромъ, благородномъ и прекрасномъ, въ томъ, что не составляетъ особенности «какой-нибудь мѣстности, какой-нибудь страны, но «что онъ беретъ отовсюду, гдѣ и въ чемъ только находитъ. Онъ подобенъ орлу, который облетаетъ страны и для котораго все равно, по Пруссіи или по Саксоніи бѣжалъ пойманный имъ заяцъ.» *Лишь бы добыча была живая, а не мертвая.* (Антрактъ 1-го января 1864 г.)

Фраза, оканчивающая первую статью *Антракта*, была profession de foi покойнаго редактора этой газеты.

«*Лишь бы добыча была живая, а не мертвая*» — вотъ чего желалъ Баженовъ нашей сценѣ и вотъ чего добывался онъ всею своею критическою дѣятельностію.

А между тѣмъ то, что давалось въ то время на сценѣ, большею частью сильно отзывалось мертвечиною. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить только имена большей части пьесъ, дававшихся на нашей сценѣ со времени основанія *Антракта*, хотя это и будетъ громадный трудъ, потому что время оправдало Баженова: почти всѣ пьесы эти давно уже умерли и даже забыты названія ихъ. И вотъ противъ этихъ-то недоносковъ, жившихъ короткое время и то не своей, а какою-то искусственною жизнью, онъ вооружался въ *Антрактѣ* всею силою своего критическаго дарованія, всею добросовѣстностію своею любви къ театру.

Но показавъ зло, царившее на нашей сценѣ, и вооружась противъ него самою честною несправедливостію, Баженовъ не остановился на этомъ. «Если говорить, такъ надо до чего-нибудь договариваться» — были любимыя слова покойнаго. Съ него недовольно было показать зло, онъ считалъ долгомъ предложить отъ него и лекарство. Въ статьѣ своей «Что дѣлать?» (помѣщенной въ *Антрактѣ* 16 августа 1864 г.) онъ говорилъ: «Положеніе нашей сцены отнюдь не исключительное; повсюду чувствуется въ послѣднее время крайняя бѣдность въ сколько-нибудь состоятельныхъ драматическихъ поприщахъ, вездѣ почти количество пьесъ обратно пропорціонально ихъ качеству. Причинъ этому много. Прежде всего ихъ надобно искать въ броженіи элементовъ современной общественной жизни; элементы эти слишкомъ переплелись и перепутались между собою. Для того, чтобы мало-мальски распутать ихъ и разобраться въ этомъ сплетеніи, надобно обладать особенною зоркостью и большимъ талантомъ. Мотивовъ для драмы въ современной общественной жизни, можетъ быть, больше, чѣмъ когда-нибудь, но уловить ихъ и воспользоваться ими очень трудно. Къ этому надо прибавить рѣшительное неумѣнье современныхъ драматурговъ приняться за драматическое творчество. Известно, что мы учиться сильно не любимъ, въ большей части случаевъ махаемъ рукою на все прошедшее, не хотимъ знать того, что сдѣлано до насъ другими, хотимъ сдѣлать все сами, начинаемъ съ азавъ и въ то время, какъ могли бы широкими шагами идти впередъ, находимъ странное удовольствіе топтаться на одномъ мѣстѣ. Не признавая для себя образцовъ, въ ребяческой записчивости своей, мы не угадываемъ и на удачу начинаемъ набивать руки, пробуемъ для сцены свои силы и выдѣлывать прелюбопытныя штуки, о бокъ съ которыми можетъ стать не всякое серьезное произведеніе.... И такъ, повторяемъ, затруднительное положеніе нашей сцены не

«есть положеніе исключительное; при тѣхъ же почти «обстоятельствахъ до крайности бѣдѣтъ современный «драматическій репертуаръ и другихъ сценъ. Стало «быть, прежде нежели такъ или иначе отвѣтитъ на «вопросъ: что дѣлать намъ?—надобно посмотрѣть, что «дѣлаютъ другіе. Одни, какъ французы, идутъ, очергя «голову, впередъ, идутъ на проломъ и останавливаются «развѣ тогда только, когда ударятся лбомъ объ стѣну, «не разглядѣвъ ея съ разбѣга. Французскіе драматиче- «ские авторы въ послѣднее время буквально-такъ «дописались до *чертиковъ* (см. названіе пьесъ: *черти* «*розовыя*, *желтые*, *синіе* и т. д.)... Другіе, какъ «нѣмцы, видя, что идти дальше неблагоприятно, но «что круто повернуть въ другую сторону также нель- «зя, хотя и даютъ на сценахъ своихъ мѣсто новѣй- «шимъ пустякамъ, французскаго и нѣмецкаго издѣлія «разныхъ Бенедиксовъ и господъ Бирхъ-Пфейферъ, но «стараются до известной степени крайнюю наготу со- «временнаго репертуара прикрыть классическими про- «изведеніями своихъ и иностранныхъ драматурговъ. «Кромѣ того припомнимъ, что тамъ и сямъ, на раз- «ныхъ сценахъ Германіи время отъ времени даются «классическія произведенія античной драматургіи. И «такъ, вотъ что дѣлаютъ нѣмцы. Тоже самое дѣлаютъ и «датчане, которые также не забываютъ классическихъ «пьесъ, не смотря на то, что ихъ современный репер- «туаръ богаче другихъ хорошими оригинальными но- «востями. На этомъ пока мы и можемъ остановиться. «Если намъ предстоитъ выбрать между тѣмъ и дру- «гимъ, то выборъ очень нетруденъ. Примѣръ нѣм- «цевъ для насъ очень назидателенъ. Нагота нашего «современнаго репертуара еще безобразнѣе, надобно «скорѣе и серьезно подумать о ея прикрытіи и мы «убѣждены, что артисты бенефициавты наши поступили «бы гораздо основательнѣе, еслибы, вмѣсто того, что- «бы пронохивать, доставать и проводить на сцену «всякій вздоръ, потому только, что онъ новый и орп- «гинальный, ставили въ свои бенефисы въ русскомъ «переводѣ классическія произведенія иностранныхъ ли- «тературъ».

Вотъ какими соображеніями руководился Баженовъ, говоря о необходимости постановки на нашей сценѣ классическихъ пьесъ.

Не разъ упрекали его въ пристрастіи къ этимъ пьесамъ. Хорошо изучивъ классическую литературу, онъ разумѣется, долженъ былъ прельститься ея образ- «цами, а любя театръ всею душою, желать видѣть на немъ эти образцовыя произведенія, но желаніе это было въ немъ не увлеченіе, а сознаніе необходимости. Въ статьѣ своей «*По поводу близкаго будущаго*» (Антрактъ 1865 г. № 31), говоря о господахъ, воору- «жающихся противъ постановки на нашей сценѣ клас- «сическихъ пьесъ, онъ замѣчаетъ: «Чего же хотятъ эти «господа?—Современной драмы они также не терпятъ; «они также не защищаютъ ея, какъ не станутъ защи- «щать ея ни одинъ человѣкъ, имѣющій глаза и уши. «Уничтожаемое надобно же видѣть, однако, замѣнить

«другимъ. Классическія пьесы не годятся въ замѣну, «что же отъ себя предлагаютъ эти господа? Пусть «они предложатъ, изобрѣтутъ свое средство, и будь оно «скольконибудь дѣйствительно и приложимо къ дѣлу, «мы первые сейчасъ же примемся на немъ: спящему «во рву не время разсуждать о веревкѣ. Но въ томъ «то и дѣло, что господа эти ничего своего не предла- «гаютъ и желаютъ, кажется, лучше оставаться въ по- «ложеніи выжидательномъ. Чего же будутъ ждать они? «Чуть ли не вчерашняго дня. Они, разумѣется, не «дождутся ничего, или же дождутся такихъ новаторовъ, «которые будутъ выдавать за произведенія искусства «какія-то бесочинныя, безформенныя выжимки, подадутъ «камень ождающимъ отъ нихъ хлѣба. А при совре- «менной безпочвенности искусства вообще только та- «кимъ новаторамъ и можетъ быть мѣсто. Нѣтъ, пзъ «того, что ребенка не занимаетъ математика, отнюдь «еще не слѣдуетъ, чтобы математика была глупостью «для взрослого».

Сознавая всю пользу, всю важность, всю необходи- «мость постановки классическихъ пьесъ, Баженовъ горячо «стоялъ за постановку ихъ на нашей сценѣ; онъ рато- «валъ за нее всѣми завсѣвшими отъ него средствами и «накопецъ дожилъ до того, что пьесы эти начали ста- «виться на московской сценѣ, и даже противники Ант- «ракта стали приписывать постановку ихъ вліянію этой «газеты (*).

Статью свою «*На новый (1865) годъ.*» (Антрактъ 1865 г. № 1) Баженовъ заключилъ падеждою, «что «хоть наступившій годъ поможетъ нѣсколько осуще- «ствиться нашимъ давнимъ мечтамъ, что въ теченіе его «мы увидимъ на нашей сценѣ хоть двѣ, три вновь по- «ставленныя пьесы Шекспира и будемъ въ состояніи «произнести паше: *Нынѣ отпущаеши.*» И судьба доз- «волила ему дожить до исполненія его падеждъ и желаній. Незадолго до смерти, разговаривая со мною о томъ, что на нашей сценѣ уже поставлены *Укрощеніе стропти- «вой*, *Много шума изъ ничего*, *Все хорошо, что хорошо кончится*, *Виндзорскія проказницы* и *Двѣнадцатая ночь*, что пьесы Мольера не сходятъ съ нашего репертуара, что играны уже двѣ пьесы Кальдерона, что готовятся къ постановкѣ *Гамлетъ*, *Зимняя сказка* и др., покой- «ный сказалъ мнѣ: «Если бы теперь Антрактъ по какому «вѣбдѣ случаю прекратился, мы имѣли бы право сказать, «какъ Спмеопъ: *Нынѣ отпущаеши....*»

Да, покойный былъ утѣшенъ занимавшеюся сквозь «мракъ, покрывающій нашу сцену, обѣтованною зарею и, дай Богъ, чтобы заря эта не обманула и была дѣй- «ствительно зарею, предвѣстницею утра, а не мимо- «летною зарницею.

Но если постановка классическихъ пьесъ на нашей «сценѣ и прекратится, потерявъ одного изъ талантл- «вѣйшихъ и ревностнѣйшихъ своихъ поборниковъ, прахъ «Баженова можетъ быть спокоенъ. Дѣло, котораго онъ «такъ страстно и постоянно домогался, не прошло без- «полезно. Оно должно было привести плоды, оно дол-

(*) См. Голосъ 1867 г. № 224 и Антрактъ 1867 г. № 33.

жно было имѣть и неминуемо имѣло благотворное вліяніе и на публику и на театральныхъ дѣятелей, на очищеніе ихъ вкуса.

Покойнаго упрекали въ излишней строгости къ оригинальнымъ русскимъ піесамъ. Да, онъ дѣйствительно былъ строга къ этимъ піесамъ, но вовсе не излишне. Обвинявшимъ его въ излишней къ нимъ строгости онъ могъ бы отвѣтить словами поэта:

Когда бъ я не любилъ, такъ я бъ не ненавидѣлъ!

Любя страстно русскую сцену, могъ ли Важеневъ быть равнодушенъ къ тѣмъ оригинальнымъ піесамъ, которыя появлялись на ней въ послѣдніе годы? Не долженъ ли онъ былъ стараться всѣми зависѣвшими отъ него средствами очистить отъ большей части ихъ нашу сцену и заставить нашихъ авторовъ серьезнѣе, добросовѣстнѣе, строже и лучше относиться къ тѣмъ произведеніямъ, которыя они несутъ на сцену?

Находились люди, упрекавшіе покойнаго будто бы въ излишней рѣзкости. Одинъ изъ старыхъ артистовъ, помѣстившій свое письмо въ № 224 Голоса за 1867 г., сказалъ даже, что *Антрактъ почти ругается*. Вотъ что отвѣчалъ Важеневъ на это: «Очень бы интересно было узнать, когда, кого, за что и какъ почти *ругалъ* «Антрактъ». И значитъ ли ругаться,—называть вещи ихъ настоящими именами? Ругается ли «Антрактъ», когда не обвиняетъ, прямо и безъ околичностей, но не безъ доказательствъ и не безъ доводовъ называетъ плохое—плохимъ, пустое—пустымъ, бездарное—бездарнымъ?» И Важеневъ имѣлъ полное право сказать это. Тонъ статей покойнаго былъ всегда приличный и сдержанный, можетъ быть болѣе приличный, чѣмъ у другихъ современныхъ театальныхъ фельетонистовъ, въ чемъ отдава ему справедливость въ газетѣ «Москва» (№ 130 1867 г.)

Чувство справедливости, долгъ «воздавать каждому свое» были всегда присущи покойному. Посмотрите, съ какою любовью, съ какимъ уваженіемъ онъ относится къ піесѣ Островскаго *«Грѣхъ да бѣда на кого не лежитъ»* (Антрактъ 1864 г. февраля 16), какъ добросовѣстно онъ указываетъ достоинства въ другихъ его піесахъ, какъ напр. въ *Шутникахъ* (Антр. 1864 г. октября 16), *На бойкомъ мѣстѣ*, *Воеводѣ*, а также въ *Кумѣ лабазникѣ* Владыкина, сценахъ Турбина и другихъ, разумѣется, указывая съ тою же добросовѣстностью и недостатки этихъ піесъ. Если Важеневъ видѣлъ хорошую оригинальную піесу, онъ радовался ей не менѣе и, вѣроятно, сознательнѣе отчаянныхъ поклонниковъ оригинальныхъ піесъ. Но не его виною было то, что мало являлось на нашей сценѣ хорошихъ оригинальныхъ произведеній; можетъ быть даже было совершеннымъ для него несчастіемъ, что во все время изданія Антракта появился едва ли пятокъ хоть сколько нибудь удовлетворительныхъ оригинальныхъ піесъ, и эти немногія піесы онъ съ любовью отдѣлилъ отъ остальнаго хлама, который такъ щедро несли русскіе писатели на нашу сцену. Любя эту сцену и желая ей добра, покойный говорилъ ей добрыхъ дѣлѣмъ: «учитесь» и рекомендовалъ имъ великихъ учителей: Шекспира, Шил-

лера, Мольера, Гете, Кальдерона, Лопе де Вега и наконецъ Аристофана, Плавта, Теренція, Софокла, Эсхила, Эврипида и даже подійскихъ драматурговъ.

Честность и безпристрастіе были отличительными качествами дѣятельности покойнаго. Въ статьѣ своей «На новый годъ» (Антрактъ 1865 г. № 1) Важеневъ сказалъ: «На сколько опредѣлительно высказалось направленіе нашего изданія и каково это направленіе—объ этомъ судить не наше дѣло; мы знаемъ только одно, что все, о чемъ мы говорили, мы говорили по убѣжденію и по совѣсти. Поэтому, если нѣкоторые взгляды наши кажутся ошибочными и странными, то мы никогда не будемъ краснѣть за нихъ. Можемъ поручиться и за то еще, что говорили совершенно откровенно и безо всякаго лицепріятія; вотъ почему у нашего изданія нѣтъ постоянныхъ друзей и доброжелателей между тѣми, о которыхъ намъ приходится чаще говорить; за наши статьи съ нами безпрестанно то ссорятся, то мнятся; за одну и ту же статью въ одно и то же время насъ обыкновенно съ разныхъ сторонъ и порицаютъ и хвалятъ. Положеніе не совсѣмъ выгодное, но мы и не думаемъ когда либо выйти изъ него, потому что выйти изъ него значило бы отказаться отъ безпристрастія и прямоты взгляда.» И это были не одни слова. Вся критическая дѣятельность покойнаго служитъ тому подтвержденіемъ. Никакая посторонняя мысль, никакія побочныя отношенія никогда не руководили его перомъ. Ни дружба, ни вражда, ни страхъ, ни выгода, ни вообще какія бы то ни было личныя отношенія не имѣли вліянія на его приговоры; онъ писалъ всегда по убѣжденію, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями.

Изъ безчисленнаго множества случаевъ во время литературной дѣятельности покойнаго, могущихъ подтвердить справедливость этихъ словъ, я приведу на выдержку два, три.

Въ концѣ перваго года существованія «Антракта», лица высшаго московскаго общества устроили публичный раутъ-спектакль въ пользу погорѣвшихъ жителей г. Симбирска. Въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Антрактъ» 4 декабря 1864 года, Важеневъ со всею откровенностью, справедливостью и безпристрастіемъ разоблачилъ этотъ спектакль. Статья эта поразила участниковъ раута-спектакля; они возстали противъ нея всѣми силами и зависѣвшими отъ нихъ средствами. Этотъ спектакль, какъ я уже сказалъ, былъ исполненъ лицами московскаго высшаго общества. Дотолъ подобные исполнители объ игрѣ своей не встрѣчали въ печати ничего, кромѣ похвалъ, были ли онѣ заслуженныя, или нѣтъ *). И вдругъ раздается сильный и без-

*) Кстати, расскажу одинъ случай. Въ началѣ 50-хъ годовъ въ московскомъ благородномъ собраніи данъ былъ любительскій спектакль, составленный изъ лицъ московской аристократіи. Объ этомъ спектаклѣ была написана статья и представлена на разсмотрѣніе одного изъ высшихъ административныхъ лицъ столицы. Это лицо не только вычеркнуло изъ статьи всѣ, даже самыя ничтожныя намеки на то, что спектакль этотъ, хоть былъ и очень хорошъ, но все-таки не само совершен-

пристрастный голосъ. Представьте же себѣ, какой поднялся переполохъ. Тогдашній корреспондентъ Русскаго Инвалида, г. Омега, описывая его, говоритъ: «Дамы нашего *высшаго свѣта* чрезвычайно изумились, когда, сквозь густой *опмѣамъ* лестн и непрерывный гулъ комплиментовъ, вдругъ предсталъ предъ ними строгій образъ правды и раздался суровый глаголь ея. «Какъ!» разсуждали эти дамы, «мы удостоиваемъ общество чести публично *показывать себя и дочерей нашихъ съ эстрады* (печатное выраженіе одного изъ ихъ защитниковъ), и вмѣсто того, чтобы падать ницъ предъ нашею *сopdes cendanc e* находятся люди, дерзающіе разбирать наши *gestes et paroles*, хвалить одно, хулить другое! *Quelle horreur! quelle insolence!* Нужно замѣтить, что тонъ статьи Антракта вовсе не былъ оскорбительнъ, и въ ней не было никакихъ личностей; оскорбительною могла показаться одна только рѣшимость произнести безпристрастный публичный судъ надъ публичнымъ же дѣломъ... Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ, разыгрывая роль рыцарей и вступаясь за честь одной изъ исполнительницъ, лично оскорбленной будто бы названіемъ игры ея жеманною, кипулись въ одно и то же время, какъ носятся слухи, съ угрозами къ редактору Антракта, и съ жалобою на него» (*). Явился статьи противъ статьи Антракта о раутѣ-спектаклѣ; устроитель этого спектакля взялъ на себя трудъ печатно извиниться за автора этой статьи, даже настойчиво и съ угрозами требовалъ, что бы авторъ ея печатно отрекся отъ написаннаго въ ней. Все это не смутило Баженова. Онъ смѣло объявилъ себя авторомъ этой статьи, напечатавъ, что она принадлежитъ редакціи Антракта, съ прежнимъ смѣлостью и безпристрастиемъ отвѣчалъ на возраженія на его статью и уже само собою разумѣется отвергнулъ требованіе отказаться печатно отъ того, что было имъ написано.

Разскажу другой случай величепріятія Баженова. Смѣло могу сказать, что я принадлежалъ къ числу людей, которые были наиболѣе близки къ покойному, которыхъ онъ особенно любилъ. Года четыре тому назадъ, увлеченный идеею, положенною Викторомъ Сежуромъ въ основаніи его піэсы. «*La Tigresse de cartes*» (*Ворюжеса*), и не обративъ должнаго вниманія на отсутствіе художественнаго достоинства въ піэсѣ, я перевелъ ее. Піэса была сыграна на московской сценѣ. Тогда «Антрактъ» состоялъ еще подъ театральною цензурою и статьи о московскомъ театрѣ разсматривались теперешнимъ [управляющимъ московскими театрами, Н. И. Пельтомъ. Разборъ Баженова переведенной мною піэсы помѣщенъ въ «Антрактѣ» 1 октября 1864 года и всякій, кто прочелъ или прочтетъ этотъ разборъ, убѣдится, что авторъ его нисколько не смягчилъ своего приговора ради дружбы къ переводчику піэсы.

ство, но встрѣтивъ у автора статьи слова «самый народъ» (надо замѣтить, что въ піэсѣ участвовалъ такъ называемый «народъ»), зачеркнуло ихъ и на поляхъ рукописи замѣтило: «Какой народъ? Все благородныя лица.»

(*) Русский Инвалидъ 1864 г. № 279.

Этотъ разборъ Баженовъ передалъ мнѣ, прося доставить его Н. И. Пельту для просмотра. Я исполнилъ это порученіе. П. И. Пельтъ просмотрѣлъ статью и, можетъ быть, по нашей дружбѣ съ Баженовымъ, не ожидалъ такого безпристрастно-строгаго разбора, сказалъ мнѣ: «Ну, я не думалъ, чтобы Баженовъ былъ такъ благороденъ и безпристрастенъ.» Въ то время шелъ еще первый годъ существованія «Антракта», но потомъ, ознакомившись поболѣе съ величепріятіемъ покойнаго редактора, никто не сказалъ бы уже этихъ словъ.

Вотъ еще примѣръ: Баженовъ очень любилъ и цѣнилъ г. Н. П., писавшаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о театрѣ. Свое уваженіе къ его критическо-театральной дѣятельности онъ не разъ высказывалъ и печатно; а между тѣмъ развѣ. Темные люди, печатавшіе письма свои въ Антрактѣ, щадилъ слабыя стороны статей г. Н. П.? Развѣ щадилъ ихъ самъ Баженовъ? Почти четыре года издаванія «Антракта» подъ редакціею Баженова могли убѣдить всякого въ величепріятіи покойнаго. Разъ какъ-то одинъ изъ близкихъ сотрудниковъ Антракта сказалъ Баженову, чтобы онъ смягчилъ свой отзывъ о дебютѣ М. Н. Владыкина, помѣстившаго въ Антрактѣ цѣлую піэсу. Баженовъ такой совѣтъ нашелъ чрезвычайно страннымъ и, уже разумѣется, не послѣдовалъ ему. Подобныхъ случаевъ, доказывающихъ величепріятіе Баженова, я могъ бы привести безчисленное множество.

Весьма любя существовавшій въ Москвѣ Кружокъ любителей драматическаго искусства, будучи связанъ тѣсною дружбою съ его членами, онъ душевно желалъ успѣха тѣмъ изъ нихъ, которые рѣшались дебютировать на публичной сценѣ, но и къ ихъ дебютамъ онъ относился со всегдашнимъ своимъ безпристрастіемъ. Вспомнимъ его отзывы о г-жахъ Карской, Чумаковской и гг. Оедотовѣ и Погонинѣ, поступившихъ на московскую сцену изъ Кружка любителей драматическаго искусства.

Въ статьяхъ своихъ Баженовъ старался быть всегда доказательнымъ, въ совѣтахъ — чтобы они были практичны и применимы къ дѣлу.

То, что я говорилъ о Баженовѣ, какъ о театральномъ критикѣ, я заключаю слѣдующими словами: можно быть критику лучше, даровитѣе его, но нельзя быть его честиѣ. Когда смерть прервала его критическую дѣятельность, Баженовъ съ чистымъ сердцемъ сошелъ въ могилу; на душѣ его не лежало ничего тяжелаго, что надо было бы смыть. Онъ могъ *ошибаться* въ своихъ статьяхъ, но онъ никогда не *калъ*; то, что говорилъ онъ, говорилъ по убѣжденію, а не по какому либо стороннимъ поводамъ.

Я упомянулъ о Кружкѣ любителей драматическаго искусства. Покойный былъ однимъ изъ его основателей. О цѣли и назначеніи подобныхъ Кружковъ Баженовъ высказался въ статьѣ своей «*По поводу исполненія «Грозы» на сценѣ Кружка любителей драматическаго искусства*» (Антрактъ 17 февраля 1864 года).

Сознавая трудность устройства хороших домашних спектаклей отдельными лицами, онъ вмѣстѣ съ другими учредителями Кружка хотѣлъ соединить силы и средства любителей драматическаго искусства. Онъ считалъ это необходимымъ тѣмъ болѣе, что доступъ на сцену императорскихъ театровъ слишкомъ труденъ, а любителей драматическаго искусства и, стало быть, желающихъ попробовать свои силы въ немъ, въ обществѣ такъ много, какъ и любителей музыки, живописи и другихъ искусствъ, для занятія которыми въ частныхъ домахъ все таки находятся достаточныя средства, между тѣмъ какъ ихъ нѣтъ у отдельныхъ лицъ для искусства сценическаго. Подобное общество дѣйствительно сформировалось, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, при только что отстроившемся въ исходѣ 1861 г. театрѣ г. Секретарева и стало извѣстно по Москвѣ подъ названіемъ: *Кружка любителей драматическаго искусства*. Кружокъ поставилъ себѣ цѣлью—давать средства пробовать свои силы въ драматическомъ искусствѣ его любителямъ, не имѣющимъ возможности отдаться ему исключительно и не принадлежащимъ къ сословію артистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ спектакли его должны были служить какъ бы дополненіемъ спектаклей императорскихъ театровъ, такъ какъ репертуаръ Кружка предполагалось составлять изъ пьесъ совсѣмъ, или давно не шедшихъ на императорскихъ сценахъ. Баженовъ постоянно настаивалъ на этомъ назначеніи Кружка, дѣятельности котораго онъ помогалъ самымъ благотворнымъ образомъ. Не смотря на свое слабое здоровье, на свои занятія, онъ постоянно былъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, репетиціяхъ и спектакляхъ Кружка. Въ высшей степени деликатный, симпатичный, онъ былъ любимъ всѣми членами Кружка и немало потрудился на пользу его и словомъ и дѣломъ. Къ Баженову тяготѣлъ Кружокъ, какъ къ своему центру. Когда первый секретарь Кружка, М. Н. Лонгиновъ, уѣхалъ изъ Москвы, Кружокъ единогласно выбралъ на его мѣсто А. Н. Баженова. Покойный смотрѣлъ на Кружокъ, какъ на практическое испытаніе того, къ чему онъ стремился въ своей критическо-театральной дѣятельности. Искренно скорбя, что ни одинъ русскій театръ не подумалъ отпраздновать трехсотлѣтній шекспировскій юбилей, онъ посовѣтывалъ справить его Кружку любителей драматическаго искусства. Когда я предложилъ Кружку любителей поставить въ этотъ юбилей шекспировскую пьесу и когда это предложеніе, по скудости средствъ Кружка, многими членами его показалось не только очень труднымъ, но даже неисполнимымъ, Баженовъ первый поддержалъ мое предложеніе. И вотъ, въ то время, когда ни одинъ изъ театровъ Россіи не праздновалъ памяти этого великаго въ драматическомъ дѣлѣ дня, въ одномъ изъ отдаленныхъ московскихъ переулковъ, близъ Поварской, въ старомъ деревянномъ театрѣ гр. Марковой отпраздновался шекспировскій юбилей (*) и изъ этого крошеч-

наго театра полетѣла поздравительная телеграмма въ Стратфордъ на Эвонѣ, обратившая, вмѣстѣ съ телеграммою ректора московскаго университета, особенное вниманіе англійскихъ газетъ, упомянувшихъ только объ нихъ изъ всего безчисленнаго множества телеграммъ со всѣхъ концовъ образованнаго міра.

И не пропахло даромъ это празднованіе шекспировскаго юбилея на марковскомъ театрѣ; съ миниатюрной сцены этого театрѣка *Укрощеніе строптивой* перешло на сцену московскаго театра, точно такъ же, какъ и *Залужество лучшей докторъ*—Мольера и *Двенадцатая ночь*—Шекспира, въ постановкѣ которыхъ на сценѣ Кружка Баженовъ принималъ большое участіе.

Зная прекрасно греческій языкъ, Баженовъ перевелъ стихами всего Анакреона и, кромѣ того, въ бумагахъ покойнаго найдены начала переводовъ стиховъ же двухъ комедій Арпстофана *Обы* и *Птицы*. Баженовъ началъ было переводить *Ученыхъ женщинъ* Мольера, но потомъ оставилъ свое предпріятіе и уничтожилъ переведенныя имъ стихами первый актъ этой комедіи.

Блადѣя хорошо стихомъ, Баженовъ написалъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ *Сынѣ Отечества*, *Развлеченіи* и, кромѣ того, онъ, подъ псевдонимомъ *Не поэтъ*, помѣстилъ значительное число юмористическихъ стихотвореній въ *Антрактѣ*, весьма остроумныхъ и какъ бы служащихъ дополненіемъ къ его критическимъ статьямъ.

Будучи строгъ къ произведеніямъ другихъ, Баженовъ былъ не менѣе строгъ и къ своимъ собственнымъ. Въ юности написалъ онъ нѣсколько небольшихъ пьесъ, но, признавая ихъ нотомъ плохими, объ тѣхъ изъ нихъ, которыя игрались на сценѣ, онъ самъ говорилъ печально, что онѣ плохи *), а тѣхъ, которыя не попали прежде на сцену, онъ не допускалъ къ постановкѣ. Такъ одинъ изъ актеровъ московскаго театра просилъ черезъ меня Баженова отдать ему въ бенефисъ его, по моему мнѣнію, очень недурную пьесу *Старое пономѣніе (Дядюшка)*. Какъ я ни убѣждалъ Баженова согласиться на эту просьбу, онъ остался непреклоненъ, говоря, что пьеса эта не стоитъ постановки на сцену.

А. Н. Баженовъ родился 23 августа 1835 г. Пензенской губерніи, въ г. Городищѣ. Первоначально онъ воспитывался въ пензенскомъ институтѣ, потомъ перешелъ въ 1-ю московскую гимназію, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ московскій университетъ по словесному факультету. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ поступилъ на службу во 2-й кадетскій корпусъ (позднѣе 2-ю военную гимназію) преподавателемъ русской словесности. Начальство и ученики любили и уважали покойнаго такъ, что когда Баженовъ вынужденъ былъ уѣхать, чувствуя, что по состоянію своего здоровья не можетъ нести на себѣ учительскихъ обязан-

комедіи *Укрощеніе строптивой* и сцены въ стихахъ *Апотеозъ Шекспира*, написанной А. Н. Баженовымъ нарочно для этого торжества.

*) Онъ состоялъ изъ представленія шекспировой

*) См. *Антрактъ* 1867 г. № 21.

постей, подалъ въ отставку, начальство гимназіи никакъ не согласилось его уволить и предложило ему быть секретаремъ конференціи, должность, не требовавшую такихъ постоянныхъ и утомительныхъ занятій, какъ должность преподавателя.

Не смотря на слабое здоровье, покойный постоянно работалъ и слишкомъ мало берегъ себя. Лежа нынѣшней зимою въ постели, онъ не переставалъ трудиться. За недѣлю до смерти онъ, бывши уже опасно боленъ, не могъ утерпѣть, чтобы не посмотрѣть представленія *Тартюфа* на московской сценѣ, и отправился на бенефисъ г-жи Чумаковской, выйдя черезъ сплю спектакль, но уже едва возвратился домой. Болѣзнь его (брайтова болѣзнь) успилась, доктора объявили его безнадежнымъ. Но все-таки онъ не прерывалъ занятій. Еще наканунѣ смерти онъ выслушалъ весь составъ 39 № Антракта за прошлый годъ, послѣдняго нумера подъ его редакціею, вышедшаго въ самый день его смерти, и хотя ему было трудно говорить, но онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній по поводу статьи моей о представленіи *Тартюфа* на московской сценѣ (большую часть этихъ замѣчаній я воспользовался), много говорилъ о Мольерѣ и его *Тартюфѣ*. Это было еще въ 12 часовъ 29 сентября, а въ субботу 30 сентября, въ 3¹/₂ часа по полудни, его уже не стало. Онъ скончался въ совершенной памяти и безъ большихъ страданій. Прахъ А. Н. Важенова схороненъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Театръ нашъ понесъ въ Важеновѣ большую потерю. «Россія», по выраженію газеты *Signale fuerdie musikalische Welt*, (1867 г. № 39) «потеряла въ немъ своего лучшаго театральнаго критика», а кто же будетъ отрицать пользу критики для театра?

Вл. Родиславскій.

(До слѣдующаго №).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Года два тому назадъ, въ Антрактѣ была высказана мысль, что весьма небезполезно было бы давать по праздникамъ утренніе спектакли по примѣру, какъ такіе даются на масляницѣ. Мысли этой суждено было осуществиться. Еще въ 1866 г. на святкахъ, какъ бы въ видѣ опыта, даны были три утреннихъ спектакля. Видно, опытъ этотъ оказался удачнымъ, потому что въ нынѣшнія святки утреннихъ спектаклей дано было уже не три, а восемь.

Спектакли на нынѣшнихъ святкахъ представили не мало новостей: новую драму въ стихахъ, повныя шуточные сцены, новую оперу, новый балетъ, новую дебютантку. Въ сегодняшнемъ № Антракта наши читатели найдутъ отчетъ объ этихъ новостяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя были въ бенефисѣ г. Садовскаго (3 января) и о которыхъ А. Н. Плещеевъ общалъ намъ для слѣдующаго № Антракта доставить особую статью. Нѣсколько неудивительно, что всѣ эти новости явились въ бенефисы: мы уже давно привыкли встрѣчать, какъ

необыкновенную рѣдкость, какую вбудь новость не въ бенефисный, а въ ипрекціонный спектакль, но удивительно и не въ обычаяхъ нашего театра то, что бенефисы съ этими новостями были даны на святкахъ. Въ былое время этого не дѣлалось: въ продолженіи 28 лѣтъ, въ которыя мы посѣщаемъ московскій театръ, мы помнимъ только два случая бенефисовъ на святкахъ: 3 января 1841 г. былъ бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й и 2 января 1864 г. — г-жи Медвѣдовой. А то три бенефиса въ однихъ святки, — ну, такое назначеніе бенефисовъ не слишкомъ-то должно быть выгодно для дирекціи, да не выгодно и для публики. На святкахъ, въ театрѣ бываютъ лица, не посѣщающія спектаклей въ остальное время года; они рассчитываютъ побывать на святкахъ въ театрѣ за обыкновенную цѣну и вдругъ съ нихъ требуютъ двойную, тройную. Пожалуй, они и вовсе не пойдутъ въ спектакль и такимъ образомъ число посѣщающей театр публики уменьшится, а вѣдь слѣдуетъ заботиться объ увеличеніи числа посѣтителей театровъ и не ради однихъ только денежныхъ расчетовъ, но ради и другихъ болѣе высшихъ, духовныхъ интересовъ.

КАРПАТСКАЯ РОЗА,

опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4-хъ картинахъ, музыка соч. Зигфрида Саломана.

Въ бенефисъ г-жи Александровой, 26 декабря, Москва познакомилась съ новой оперой «Карпатская роза», музыка датскаго композитора Зигфрида Саломана. Еще въ 1844 и 1847 годахъ большія трехъактные оперы этого композитора: «Буря въ Далекарліи» и «Бриллиантовый крестъ», написанныя и поставленныя имъ въ Копенгагенѣ, имѣли тамъ большой успѣхъ. Либретто новой оперы г. Саломана взято изъ исторіи Молдавіи и Валахіи и представленныя въ немъ событія почему-то отнесены къ 1680 году, хотя это и несовсѣмъ вѣрно. Считаю не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этого либретто, хотя, по сложности его, это займетъ у насъ, къ сожалѣнію, не мало мѣста.

Дѣйствіе 1. Въ замкѣ молдавскаго князя Василія (вѣроятно Лупула) торжественное собраніе бояръ, ожаждающихъ возвращенія изъ Франціи князя Михаила, еще съ дѣтства обрученнаго съ княжной Ганкой, наследницей Василія, у котораго она подъ опекой. Туда же неожиданно приѣзжаетъ валахскій князь Брашкванъ, бывший до того времени во враждѣ съ Василіемъ. Онъ объявляетъ, что, забывъ прежніе раздоры, явился разделить всеобщую радость и между прочимъ высказываетъ надежду соединиться съ Ганкой узами брака. Встрѣтивъ холодный пріемъ со стороны Ганки, Василія и бояръ, онъ въ душѣ своей замышляетъ месть своему сопернику Михаилу. Между тѣмъ являются французъ съ письмомъ отъ Михаила, который уведомляетъ, что отсрочилъ свое возвращеніе въ Молдавію и проситъ отложить праздникъ его встрѣчи. Между этими французами шлохотно паходится и самъ Михаилъ. Извѣстіе,

принесенное имп, печалитъ Ганпку, Васплія и бояръ и возмущаетъ Бранкована. Всѣ они удаляются въ другія зады замка. Вслѣдъ за нимп на сцену является цыганка Цинка, давно покинутаая любовь князя Васплія. Двадцать лѣтъ назадъ тому для этой цыганки онъ пзмѣнилъ женѣ своей, вскорѣ умершей потомъ вмѣстѣ съ ея дочерью. Цинка напоминаетъ Васплію прежнюю любовь его и намѣревается открыть ему какую-то тайну, но онъ не хочетъ слушать цыганку, подозрѣвая съ ея стороны какой-нибудь обманъ. Между тѣмъ въ замокъ являются на праздникъ цыгане и съ ними красавица Кива, дочь Цинки, обрученная съ цыганомъ Петраки. Она въ присутствіи всѣхъ поетъ патристическую пѣснь объ освобожденіи древней Дакіи*). Этой пѣснп сочувствуетъ Мпхаплъ, а Бранкованъ смѣется надъ ней, какъ надъ сказкой. Въ это время Цинка, бывшая кормилица Мпхапла, узнаетъ его по голосу (?) и возвѣщаетъ объ этомъ всѣмъ окружающимъ. Кива не спускаетъ съ него глазъ: онъ уже успѣлъ заронить любовь въ ея сердце. Это замѣчаетъ Петраки, и душа его закипаетъ ревностью. Бояре съ горячимъ сочувствіемъ прпвѣтствуютъ Мпхапла.

Дѣйствіе 2. Цыганскій таборъ, расположенный въ долинѣ между горъ; къ боковой кулисѣ примыкаетъ крыльцо монастырскаго храма. Цыгане спятъ, не спитъ одинъ Петраки, мучимый ревностью. Является, Кива, а за нею Мпхаплъ. Они признаются другъ другу въ любви, они счастливы, но счастье ихъ возмущаетъ Гргорій, капелланъ замка Васплія, объясняя Мпхаплу, что Кива, язычница, не можетъ быть его женой. Мпхаплъ предлагаетъ ей принять христіанскую вѣру и уводитъ ее въ церковь. Петраки, подслушавшій ихъ разговоръ, вѣ себя; онъ страшнымъ крикомъ будитъ весь таборъ и повѣщаетъ ему о случившемся съ Кивой. Цыгане хотятъ ворваться въ храмъ, но ихъ останавливаетъ цыганъ старикъ, говоря, что язычникамъ подл смертной казнио запрещенъ входъ въ христіанскую церковь. Въ долину съ горъ сходятъ князь Васплій съ боярами и войскомъ; они избвруютъ господаремъ Молдавіи Мпхапла, который по выходѣ изъ церкви представляетъ имъ свою невѣсту. Васплій и бояре, узнавъ въ ней цыганку Киву, оскорбляются такимъ выборомъ. Васплій предлагаетъ Мпхаплу или жениться на Ганпкѣ, или лишиться княжеской власти. Мпхаплъ предпочитаетъ послѣднее, и Васплій съ боярами удаляется, изъясняя негодованіе на его поступокъ. За нимп вскорѣ слѣдуетъ и Мпхаплъ, убѣжденный Кивой попытаться уговорить ихъ. Цыгане съ бѣшенствомъ бросаются на оставшуюся Киву; они произносятъ надъ нею смертный приговоръ и готовы уже исполнить его, но на защиту ея является Цинка и повѣщаетъ табору, что Кива — дочь христіанина, изъ знатнаго дома, а потому они не смѣютъ судить ее. Цыгане удаляются. Является Мпхаплъ съ извѣстіемъ, что бояре его не хотятъ и слушать. Кива убѣждаетъ его покинуть ее во имя любви

*) Древнее названіе мѣстности, занимаемой теперь Молдавіей и Валахіей.

къ отечеству, которому онъ теперь нуженъ, и когда Мпхаплъ колеблется, она вбѣгаетъ на скалу и грозитъ свергнуться оттуда въ бездну, если онъ не пойдетъ на зовъ своей родины, которую тѣснятъ враги. Мпхаплъ рѣшается исполнить святой, но тяжкій долгъ спасенія отечества и уходитъ, пославши прощальный прпвѣтъ Кивѣ, которую навсегда теряетъ. Оставшись одна, Кива вся предается горю своей безнадежной любви.

Дѣйствіе 3, карт. 1. Въ горпстой мѣстности является Кива въ вопиющемъ одѣяніи, съ знаменемъ въ рукахъ. Узнавъ, что Мпхаплу грозитъ опасность со стороны ополчившагося на него Бранкована, она успѣла собрать дружину, чтобы защитить его. Приходитъ Петраки, котораго она также убѣждаетъ не щадить своей жизни на освобожденіе отечества, во славу Мпхапла.

Карт. 2. Площадь предъ соборною церковью въ городѣ Яссахъ. Мпхаплъ съ Ганпкой идутъ въ свадебной церемоніи, сопровождаемые блестящей свитой. Въ это время вбѣгаетъ капелланъ Гргорій съ извѣстіемъ, что Бранкованъ явился у стѣнъ Яссъ съ дружиною поляковъ. Мушны, подл предводительствомъ Мпхапла, спѣшатъ на защиту города; женщины уходятъ въ храмъ. Слѣдуетъ сцена между Василіемъ и Цинкою, которая признается ему, что нѣсколько лѣтъ назадъ тому, желая отомстить его пзмѣну, она похитила изъ колыбели его дочь, подмѣнивъ своею дочерью, вскорѣ умершею. На всѣ вопросы Васплія, гдѣ его дочь, Цинка не даетъ ему отвѣта до тѣхъ поръ, пока не прпрносятъ Кивы, смертельно раненой. Возвращается Мпхаплъ съ войскомъ и народомъ. Князь возвѣщаетъ побѣду надъ врагомъ, купленную цѣною жизни Кивы, которая, защитивъ его отъ меча Бранкована, пала сама подл оружіемъ враговъ. Кива умираетъ, трогательно прощаясь съ Цинкой и Мпхапломъ, ея первую и послѣднюю любовь.

Не смотря на то, что либретто взято изъ славянской жизни, почти ни одна мелодія оперы не напоминаетъ намъ нашей родной музыки. Это тѣмъ болѣе странно, что композиторъ много лѣтъ жилъ въ Россіи и потому типъ славянскихъ мелодій долженъ быть ему извѣстенъ. Вообще говоря, въ оперѣ Г. Саломана замѣтенъ большой недостатокъ задушевныхъ мелодій; она преимущественно состоитъ изъ речитативной музыки и хоровъ. Нѣсколько отдѣльныхъ арій Цинки (г-жа Оноре) и Кивы (г-жа Александрова) понравились публикѣ, но не мотивами ихъ, а драматической игрой пѣвицы. Первая сцена князя Васплія съ Цинкой могла бы произвести сильное впечатлѣніе на зрителей, если бы не была длинна и однообразна. Сцена объясненія въ любви, во 2 актѣ, и весь 2-й актъ больше другихъ понравился публикѣ, и дѣйствительно музыкальная драма этого акта составлена искусно. Въ другихъ же актахъ повидимому многое требуетъ сокращенія, а то опера утомляетъ слушателей, не смотря на то, что въ ней много живыхъ патетическихъ сценъ. Партитура оперы написана роскошно, со всѣми возможными музыкальными украшеніями, и вѣроятно исполненіе ея представляетъ немалый

трудъ для оркестра. Инструментовка изящная и, что намъ весьма понравилось, не оглушаетъ безмѣрнымъ употребленіемъ мѣдныхъ инструментовъ, чѣмъ злоупотребляютъ многіе изъ новѣйшихъ композиторовъ. Хоры гармоничны и всѣмѣста, гдѣ композитору предстояла задача въ музыкѣ выразить волненіе или смятеніе, написаннымъ эффектно. Но, повторимъ, несмотря на всѣ свои достоинства, опера, по своей растянутости и отсутствію выдающихся мотивовъ, не производитъ особеннаго эффекта и слушается съ нѣкоторою скукою. Впрочемъ композиторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ Переводъ либретто *Карнатской розы* очень плохъ, какъ большая часть переводовъ оперныхъ либретто, между тѣмъ какъ достоинство и точность перевода были бы необходимы для успѣха оперы, этой музыкальной драмы, въ одно и тоже время исполняемой и на сценѣ и въ оркестрѣ; въ переводѣ такой драмы одна неумѣстная перестановка фразъ нарушаетъ гармонию рѣчи съ ея музыкальнымъ выраженіемъ.

Теперь нѣсколько словъ объ исполненіи оперы. Мы уже выше сказали, что г-жа Опоре и Александрова, въ роляхъ Цинки и Кивы, имѣютъ успѣхъ. Изъ особеннѣйшей первой изъ нихъ производитъ впечатлѣніе драматичностью своей игры, хотя нѣсколько и утрированной. Вокальная же часть исполненія у обѣихъ пѣвицъ несовершенна. Г-жа Опоре низкія ноты своей партіи беретъ непріятно; очевидно, что партія написана не по ея голосу. Голосъ г-жи Александровой, кажется, слабъ для сцены Большаго театра, по симпатиченъ и хорошо обработанъ; въ ея партіи есть довольно трудныя музыкальныя украшенія, которыя она выполняетъ весьма отчетливо. Г-жа Анненская, въ роли Ганпки, осталась совершенно незамѣченою по незначительности ея партіи. Изъ мужскихъ ролей лучшая по выбору аріи роль г. Орлова (кн. Михаилъ), но онъ своимъ крикливымъ теноромъ производитъ непріятное впечатлѣніе на слушателей. Хорошему исполненію роли Петраки г. Владиславлевъ мѣшало то обстоятельство, что у этого пѣвца голосъ уже довольно утратился. Остальныя партіи, за исключеніемъ партіи Васплія (Фвнокки), были исполнены, такъ сказать, по казенной надобности, безъ должнаго одушевленія и какъ бы безъ сочувствія къ занимаемымъ ролямъ. Хоры, многочисленные въ оперѣ, шли довольно стройно. Въ отношеніи декораций скажемъ, что лучшія изъ нихъ—долина между горъ, во 2-мъ дѣйствіи, и площадь въ 3 дѣйствіи. Впрочемъ, въ первой изъ нихъ мы совѣтовали бы перемѣстить статую Дакіи на вершину горы; это было бы и картиннѣе и вѣрнѣе со смысломъ пѣтой Кнвою объ этой статуѣ пѣснѣ, въ которой говорится, что Дакія, олицетворенная въ видѣ дѣвы, окаменѣла на горной скалѣ. Изъ костюмовъ особенно эффектенъ послѣдній костюмъ Кивы.

Н. Леонтьевъ.

ПАПОРОТНИКЪ, ИЛИ НОЧЬ НА ИВАНѢ КУПАЛА,

большой фантастическій балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, сочиненъ и поставленъ на здѣшней сценѣ г. Соколовымъ; музыка Ю. Гербера. (Бенефисъ г. Соколова, 27 декабря).

Наконецъ, послѣ почти мѣсячной ежедневной публикаціи о томъ, что балетъ *Папоротникъ* въ непродолжительномъ времени дасть будетъ, въ первый разъ, на сценѣ Большаго театра, этотъ балетъ появился на второй день святокъ, въ бенефисъ нашего перваго танцовщика Соколова. Не смотря на святочное время, театръ не былъ полонъ, что весьма рѣдко случается при первыхъ представленіяхъ новаго балета. Впрочемъ и цѣны назначилъ въ свой бенефисъ г. Соколовъ пріорядочныя: бельэтажъ стоилъ 25 руб., кресла перваго ряда 10 руб. и т. д.

Болѣе ста лѣтъ существуетъ русскій театръ, но, если не ошибаемся, доселѣ не впалъ онъ на своихъ подмосткахъ балета, сочиненнаго русскимъ. До сихъ поръ сочиненіе балетовъ принадлежало заморскимъ мастерамъ этого дѣла. Такимъ образомъ г. Соколову принадлежитъ честь, что онъ первый изъ русскихъ сочинилъ балетъ; но какъ же онъ воспользовался этою честью? Не вышло ли тутъ по пословицѣ: первый блинъ комомъ?..

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время вообще балетъ находится въ большомъ упадкѣ, что онъ является не драмою, выраженной мимикою, а большимъ дивертисментомъ, составленнымъ изъ разныхъ танцевъ и украшеннымъ болѣе или менѣе великолѣпными костюмами, декораціями и машинами. Вотъ этому-то балету упадка подражалъ и русскій авторъ *Папоротника* г. Соколовъ; его балетъ—недрама, выраженная мимикою, а также большой дивертисментъ. Что касается до сюжета, то и здѣсь г. Соколовъ не отступилъ отъ своихъ образцовъ; онъ видѣлъ, что образцы его—эти гг. Перро, Сепъ-Леонъ и т. п., для составленія сюжетовъ своихъ балетовъ, большею частію перевертывали на разные лады сюжетъ знаменитаго балета *Сильфиды*, повторяя его содержаніе, борьбу дѣйствительности съ мечтою, въ разныхъ *Наядахъ* и *рыбакахъ*, *Фіаметтахъ* и т. д. и слѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру самаго Тальони, который, ободренный успѣхомъ *Сильфиды*, многократно повторялъ сюжетъ ея во всѣхъ своихъ *Гертахъ*, *Озерахъ волшебницъ*, *Тѣняхъ* и т. п. Но развѣ г. Соколовъ, танцовавшій многократно въ подобныхъ балетахъ и такъ неудачно возобновлявшій въ прошлогодній свой бенефисъ *Сильфиду*, не могъ видѣть, что сюжетъ этого балета, повторяемый безсчетное число разъ, до того исчерпанъ и истрепанъ, что при возобновленіи самаго балета-прототипа показался пошлымъ и избыточнымъ? При томъ, неужели г. Соколовъ, какъ человѣкъ русскій, не зналъ, что русскій народъ, для котораго нелегка была жизнь и

непривѣтливая окружающая природа, въ своихъ мечтахъ, вымыслахъ и повѣрьяхъ, не создавалъ добрыхъ, прелестныхъ и свѣтлыхъ духовъ, подобныхъ сплѣткамъ, что воображеніе этого народа рисовало ему только духовъ страшныхъ и злыхъ, лукаваго лѣшаго, готоваго сбить его съ дороги въ дрімучемъ лѣсу, злую вѣдьму, страшнаго оборотня, уродливую бабу-ягу-костяную ногу, проказливую кикимору, щиплящую лѣшыхъ пряхъ и путающую у нихъ пряжу? Только въ своей родной пѣбѣ, въ кругу своей семьи, находить русскій человѣкъ хоть какое-нибудь спокойствіе—и вотъ онъ въ дому своемъ создаетъ домового. Этотъ охранитель семьи, дома, этотъ *дѣдушка*, является добродушнѣе другихъ духовъ, созданныхъ воображеніемъ русскаго простолюдна, но и этотъ, уже по самому своему имени *дѣдушки*, какъ бы родственникъ человѣку духъ все таки довольно грозенъ и суровъ, какъ грозна и сурова и семья русскаго простолюдна, и не любитъ давать потачки. Правда, на югѣ Россіи, гдѣ природа краше, чѣмъ на сѣверѣ, и гдѣ народное воображеніе создало болѣе прелестный образъ русалки, оно и этотъ наружно — прелестный образъ одарило лукавствомъ и злостью: русалка своимъ прелестнымъ, обнаженнымъ станомъ и своею обворожительною пѣсней влечетъ путника въ воду, чтобы тамъ защекотать его. Уже по одной этой причинѣ, на Руси, куда г. Соколовъ перенесъ дѣйствіе своего балета, — всего мнѣе мѣста разнымъ подражаніямъ *Сильфиды*.

Вообще въ своемъ балетѣ г. Соколовъ, какъ мы увидимъ далѣе, показалъ, что знаетъ и понимаетъ русскій бытъ нелучше поземца Сень-Леона, а какъ знаетъ и понимаетъ его этотъ балетмейстеръ — этнографъ, мы имѣли уже случай показать въ Антрактѣ при разборѣ его балета *Конекъ-Горбунъ* (Антрактъ 1866 г. № 47).

Временемъ дѣйствія для своего балета г. Соколовъ избралъ ночь на Ивана-Купала. Почти во всей Европѣ съ этою ночью, когда вся природа цвѣтетъ, когда цвѣты въ полномъ своемъ развитіи, соединены разные поэтическіе вымыслы, повѣрья, преданья. Имъ многократно пользовалась и литература: Шекспиръ написалъ *Сонъ въ средилѣтнюю* (по переводу Сатина въ *Иванову*) ночь, нашъ Гоголь — свой страшный рассказъ *Вечеръ наканунѣ Ивана-Купала*.

Завязкою для своего балета г. Соколовъ взялъ народное повѣрье о цвѣтеніи въ эту ночь паворотника и о томъ, что кто сорветъ невиданный цвѣтокъ этого растенія, тотъ можетъ обладать всѣми кладами. До сихъ поръ — выборъ времени и повѣрья сдѣланъ хорошо, но что же сдѣлалъ г. Соколовъ далѣе? Какой сюжетъ придалъ онъ своему балету, какъ развили онъ этотъ сюжетъ?

Послѣ увертюры, искусно и съ знаніемъ дѣла написанной, но не заключающей въ себѣ особенныхъ музыкальныхъ красотъ, подымается занавѣсъ и на сценѣ пѣба (пѣзоп. *Жизнь за Царя*), полная народомъ. Крестьянинъ Иванъ (Фредерикъ) празднуетъ сговоръ своей дочери Нади (Егорова) съ сыномъ своего сосѣда (Титовъ), Емельяномъ (Гельцеръ), обладающимъ, какъ говоритъ

программа балета, «кромѣ богатства еще и сильною дозой глупости» (мы нарочно привели эти слова программы, потому что въ пѣрѣисполняющаго роль Емельяна этой *дозой глупости* мы незамѣтили; въ пѣрѣ его — Емельянъ скорѣе разбитой паренъ-бахвалъ, а не простачекъ, какъ сказано въ афишѣ). На этомъ сговорѣ нѣсколько танцующихъ въ пацевахъ исполняютъ, какъ сказано въ афишѣ, *хороводную пляску*, не заключающую, впрочемъ, въ себѣ необходимой и главной фигуры хоровода — круга (отъ чего у русскаго народа слово *кругъ* употребляется даже какъ синонимъ слова хороводъ, какъ напр. въ выраженіяхъ: *круговья*, вм. хороводныя *пѣсни*, *кругъ водить*, вм. хороводъ водить и т. п.), но зато имѣющую одну фигуру, очень похожую на шенъ французской кадрили.

Надя, которой не нравится ея женихъ и которая любитъ другаго парня, Степана (Соколовъ), вдругъ, при всемъ народѣ, бросается въ ноги къ отцу и начинаетъ просить его не выдавать ея за пемплаго. У насъ на Руси, да я думаю, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ, такія семейныя сцены происходятъ въ семейномъ кругу, а не при народѣ и не на сговорной ппрушкѣ. И такъ Надя валяется въ ногахъ отца, а гости, присутствующіе на сговорѣ, на такое необычное явленіе не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто это дѣло самое обыкновенное, какъ будто это такъ и должно быть. Послѣ этой сколько патетической, столько же и эксцентричной сцены, г. Кондратьевъ и г-жа Николаева пляшутъ камаринскую — пляску, дѣйствительно запечатлѣнную русскимъ характеромъ и хорошо исполненную, такъ что публика по справедливости заставила ее повторить. Затѣмъ женихъ со свахою тоже начинаетъ плясать (какъ это у мѣста на крестьянскомъ сговорѣ, на которомъ женихъ и пѣвѣста обыкновенно обязаны вести себя чпппо!); но скорѣ Емельянъ падаетъ, а маленький братъ невѣсты, смѣясь надъ женихомъ, начинаетъ тоже плясать, желая показать, что можетъ проплясать лучше его.

Далѣе слѣдуетъ патетическое, такъ называемое *разд'асіон*, исполняемое невѣстою. Но приведемъ подлинныя слова программы балета; цитата покажетъ, какъ эта программа пропитана русскимъ духомъ и какъ она написана. «Иванъ въ это время выводитъ Надю и приказываетъ ей веселиться и перестать грустить. Надя проситъ отца не принуждать ея. Отецъ настаиваетъ. Надя грустно повинется. Пляска. Сестра Нади, Маша, шепчетъ ей на ухо, что Степанъ здѣсь и чтобы она обратила вниманіе на него. Надя, приплясывая, незамѣтно для другихъ, приближается къ Степану. Степанъ хватаетъ ее за руку и увлекаетъ ее, говоря: какъ можешь ты *танцовать* (?), когда у меня сердце падрывается? Эхъ! Стало быть ты не любишь меня! Что же мнѣ дѣлать, говоритъ Надя: и мнѣ самой нелегче, да что же съ отцомъ дѣлать? Степанъ не въ силахъ совладѣть съ собой, онъ обнимаетъ Надю, говоря ей: Видно не судьба намъ быть вмѣстѣ, такъ ужъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ обниму я тебя. Отецъ Емельяна видитъ, что невѣста его сына въ объятіяхъ

другого. Онъ указываетъ на это Емельяну, который ничего не замѣчаетъ, окруженный дѣвушками, играющими съ нимъ. Услыхавъ слова отца, Емельянъ вырывается отъ дѣвушекъ, подбѣгаетъ къ Степану съ угрозами и жалуется Ивану на Надю.»

Все это происходитъ въ весьма неискusstномъ, неловко исполняемомъ и совершенно несогласномъ съ русскимъ характеромъ балетнымъ *pas d'action*.

Не менѣе согласна съ русскимъ духомъ и слѣдующая за тѣмъ патетическая сцена. Степанъ, послѣ того, какъ обнялъ *танцовавшую* чужую невѣсту при всемъ честномъ народѣ, бросается въ ноги къ ея отцу и проситъ обвинять его съ нею. Иванъ, разумѣется, смеицувъ всю негодность этой выходки при народѣ, а по программѣ балета, «удивленный и разсерженный тѣмъ, что такой бѣднякъ, какъ Степанъ, смѣетъ просить руки его дочери», выгоняетъ его вонъ. За нимъ уходитъ и присутствовавшій на свадьбѣ колдунъ коновальъ Лукичъ (Кузнецовъ).

Опускается занавѣсъ (чистыхъ иеремѣй на московской сценѣ вообще не любятъ) и когда подымается снова, передъ зрителями деревенская улица, очень недурная декорация, если забыть о большихъ деревьяхъ, нарисованныхъ на ея боковыхъ кулпсахъ и вовсе не бывающихъ въ нашихъ деревняхъ. Выгнанный со сговора за свое непригожее поведеніе, Степанъ груститъ, сидя на скамѣ. Утѣшать его приходитъ сговоренная Надя, Богъ знаетъ, какимъ образомъ успѣвшая уйти со сговора, что вовсе несогласно съ русскимъ бытомъ и русскими обычаями. Когда Надя, побесѣдовавъ съ милымъ другомъ, уходитъ въ пзу, Лукичъ уговариваетъ Степана идти въ лѣсъ поджидать, какъ разцвѣтетъ папоротникъ, сорвать его цвѣтокъ и посредствомъ этого цвѣтка отыскать кладъ, сдѣлаться богачемъ и тогда жениться на Надѣ. Степанъ колеблется, но, увидавъ въ окно пвановой пзбы, что Емельянъ цѣлуетъ Надю (это цѣлованье, посредствомъ двухъ темныхъ тѣней въ освѣщенномъ окнѣ пзбы, сдѣлано на нашей сценѣ очень неискusstно), рѣшается идти отыскивать папоротникъ. Въ это время подгулявшіе гости расходятся со сговора, а въ окнѣ свѣтлицы видна Надя. Она сидитъ подгорюнившись, а блескъ луны падаетъ прямо на нее. Картина эта довольно красива, но видимо пауѣяна послѣднею картиною 3-го акта оперы *Фаустъ*.

По окончаніи перваго акта, публика вызываетъ автора балета, г. Соколова, и автора музыки, г. Гербера, причемъ намъ невольно приходитъ на память куплетъ изъ одного водевиля:

А публичка всегда на вызовы щедро:

За сцену первую зоветъ—вѣдь какъ добра!

И вѣрьте, скоро дни блаженные настанутъ,

Что даже вызывать и до начала станутъ.

Во второмъ актѣ балета—лѣсъ. Гроза. Приходятъ Степанъ и Лукичъ, который очерчиваетъ кругъ около Степана и колдуетъ. Сцена эта, не представляющая интереса, довольно длинна, хотя и скрашена хорошо сопровождающею ее музыкою. Лукичъ уходитъ, остается одинъ Степанъ и въ страхѣ ложится на землю.

Бьетъ полночь. Гдѣ это бьетъ полночь—неизвѣстно; программа балета не говоритъ именно гдѣ; она говоритъ просто «гдѣ-то вдали», стало-быть и программа не опредѣлила, да и не могла опредѣлять, гдѣ это раздается бой часовъ. Въ сельскихъ церквахъ башенныхъ часовъ съ боемъ не бываетъ, да ихъ не бываетъ и нигдѣ по русскимъ деревнямъ, а бой этотъ, невозможный въ глухомъ лѣсу, выведенъ просто такъ, потому только, что передъ явленіемъ духовъ нужно же, чтобы раздался

Полночный бой,

Какъ отзывъ мрачный, гробовой.

Появляются разные чудища, сдѣланные неэффектно и неискusstно; потомъ изъ куста папоротника появляется его гений (Собещанская), держа въ рукахъ красный цвѣтокъ, а изъ другихъ кустовъ выходятъ гении разныхъ цвѣтовъ, или, какъ сказано въ афишѣ, одушевленные цвѣты. На заднемъ планѣ открывается прекрасная декорация изъ 2 картпы 2-го акта оперы *Аскольдова могила*; даже на сей разъ и рѣка въ этой декорации не остается спокойною, какъ оставлялася она въ послѣдніе годы при представленіяхъ этой оперы, но зато течетъ какъ то странно, поперегъ, отъ одного берега къ другому, а не вдоль, какъ она текла во время оно, при покойномъ Пшю.

Костюмы одушевленныхъ цвѣтовъ сдѣланы неискusstно. Къ обыкновеннымъ балетнымъ тюпкамъ, для означенія, какой именно цвѣтокъ изображаетъ та, или другая танцовщица, присоединено только слѣдующее: на головѣ у танцовщицы большой цвѣтокъ, который имѣетъ изображать она, такіе же большіе цвѣтки на груди и на спинѣ; юбка усеѣяна тѣми же цвѣтами, а на рукахъ браслеты изъ такихъ же маленькихъ цвѣтовъ—вотъ и все. Удачѣе другихъ костюмъ лѣсной павилики, благодаря шапочкѣ, сдѣланной въ видѣ цвѣтка павилики. Чтобы костюмеру воспользоваться прелестнымъ, исполненнымъ мысли и поэзіи твореніемъ Гранвиля «*Les fleurs animées!*» За пскусное, хорошее воссозданіе на сценѣ одного такогостиннохудожественнаго произведенія, каковы большіе частію рисунки Гранвиля, можно отдать десятки такихъ балетовъ, какъ *Папоротникъ*. Вѣдь рисунки Гранвиля полны мысли, поэзіи; мысль цвѣтка выражена во всѣхъ деталяхъ рисунка, во всемъ существѣ, въ которомъ одушевленъ цвѣтокъ, во всемъ его одѣяніи, а что же сдѣлано изъ одушевленныхъ цвѣтовъ въ *Папоротникѣ*? Довольно сравнить шиповникъ, незабудку, макъ и другіе цвѣты, какъ они изображены у Гранвиля и какъ они выведены въ новомъ балетѣ....

Каждый изъ одушевленныхъ цвѣтовъ предлагаетъ Степану свой цвѣтокъ, причемъ исполняетъ соло. Нѣкоторыя изъ этихъ соло, какъ напримѣръ веселенькое соло павилики, которое публика заставила повторить, оригинальны и милы. Исполняющимъ эти соло танцовщицамъ подносится по букету отъ публики, а также и г-жѣ Собещанской, исполняющей роль гения папоротника. Приплываютъ русалки и также принимаютъ участіе въ танцахъ. Пляшутъ также и гробы, весьма неискusstно сдѣланные: воспитанники одѣты въ какіе то кринолины

сквозь которые ясно видны поддерживающіе ихъ обручи, и въ большія шляпы на подобіе грибовъ. Грибы эти очень сходны между собою, между тѣмъ какъ разнообразіе грибовъ породъ давало возможность г. Оедотову, устроивавшему костюмы грибовъ, сдѣлать эти костюмы гораздо разнообразнѣе и интереснѣе. Степанъ отвергаетъ всѣ цвѣты; онъ желаетъ получить только цвѣтокъ папоротника и наконецъ овладѣваетъ имъ, превращается въ боярина и вмѣстѣ съ геніемъ папоротника, какъ сказано въ программѣ, «по мѣсячному лучу спускается въ подземелье» за сокровищами, а на самомъ дѣлѣ по отлогому отверстію они опускаются подъ полъ, освѣщаемые электрическимъ свѣтомъ.

Въ 3-мъ актѣ, предъ глазами зрителя является, съ нѣкоторыми измѣненіями, бѣлесоватая декорация, изображающая въ оп. *Русалка* дно Днѣпра, въ бал. *Дочь а раона*—дно Нила, а въ новомъ балетѣ долженствующая изображать подземелье. Кладовые духи таскаютъ драгоценные камни и металлы; золотые и серебряные воины маршируютъ. Эволюціи этихъ повповъ хотѣ совѣршаются согласно и отчетливо, по нѣсколько длинны и утомительны. Въ подземелье спускается Степанъ съ геніемъ папоротника. Являются король кладовыхъ духовъ и одушевленные драгоценные камни и металлы. Костюмы ихъ удались болѣе, чѣмъ костюмы одушевленныхъ цвѣтовъ и грибовъ. Намъ особенно понравилась, по своей оригинальности, костюмы оплсковъ и малахитовъ: они сдѣланы, если не ошибаемся, изъ клеенки, раскрашенной подъ цвѣтъ малахита и опкса. Остальные костюмы хотя и состоятъ изъ обыкновенныхъ балетныхъ танцевальныхъ платьевъ, но разнообразіемъ и яркостью своихъ цвѣтовъ представляютъ глазу пріятное зрѣлище. Большая часть одушевленныхъ камней и металловъ танцуетъ соло; нѣкоторые изъ этихъ соло недурны, но большое количество ихъ утомляетъ. Геній папоротника влюбляется въ Степана и хочетъ оставить его у себя въ царствѣ цвѣтовъ и металловъ, но призракъ Нади новсюду преслѣдуетъ Степана, онъ не оставляетъ его и въ подземельи. Степанъ отвергаетъ любовь генія папоротника, бросаетъ волшебный цвѣтокъ, съ существованіемъ котораго связана жизнь его генія, отъ чего геній этотъ и умираетъ подобно *Сильфидѣ*. Степанъ на какой то повозкѣ съ разными, неискусно сдѣланными драгоценными металлами отправляется на землю. Въ глубинѣ сцены показывается изба, въ которой Иванъ благословляетъ Степана и Надю.

Мы подробно прослѣдили за ходомъ новаго балета; что же скажемъ въ заключеніе? Мысли въ балетѣ нѣтъ никакой, сюжетъ его избитый, въ изложеніи его видно большое незнакомство русскаго быта и характера русскаго простолюдина, программа его написана очень плохо, что можно видѣть и изъ приведенной нами цитаты и чему доказательства можно пайти почти на каждой страницѣ ея; но поставленъ этотъ балетъ хорошо и репетированъ весьма тщательно. Декорации хотя болѣею частію и старыя, но подобраны, за исклю-

ченіемъ декорации подземелья, со вкусомъ и хорошо. Машины мало и притомъ онѣ незамысловаты. Танцы, включая 1-го акта, хороши и всѣ лежатъ на солисткахъ и кордебалетѣ, такъ что первой танцовщицѣ дѣла немногимъ болѣе, чѣмъ другимъ танцовщицамъ; костюмы хотя бы и желательны чтобъ были лучше и замысловатѣе, какъ напр. костюмы одушевленныхъ цвѣтовъ и грибовъ, по свѣжип и пріятны для глазъ; новая музыка г. Гербера показала въ немъ музыканта опытнаго и искуснаго; самый же балетъ, какъ мы уже сказали, не есть балетъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, не есть драма, выраженная мимикой, а большой дивертиментъ. Но такъ какъ публика привыкла уже къ такому роду балетовъ, то и приняла новое произведеніе въ этомъ родѣ радушно и нѣсколько разъ вызывала и его автора и композитора его музыки, даже первому изъ нихъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бенефициантъ, поднесла лавровый вѣнокъ. Нельзя только не пожалѣть, что первый русскій человѣкъ, сочинившій балетъ, сочинилъ именно балетъ, подобный множеству балетовъ времени упадка балета вообще, да и изъ подобныхъ то произведеній «Папоротникъ» нельзя причислить къ числу лучшихъ, хотя въ немъ и встрѣчаются кое-какія недурныя частности.

СПЕКТАКЛИ ВЪ АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКѢ.

Многія газеты, въ томъ числѣ и *Антрактъ*, не разъ упрекали московскій Артистическій Кружокъ за то, что онъ не пользуется разрѣшеннымъ ему правомъ давать спектакли. Въ настоящее время этотъ упрекъ Кружку сдѣлать уже нельзя. Съ наступленіемъ новаго 1868 года, пользуясь 3 и 94 стат. своего устава, Кружокъ общаетъ своимъ членамъ еженедѣльные драматическіе вечера (спектакли). Отъ души привѣтствуемъ это благое начинаніе новой артистической дѣятельности Кружка и, искренно желая ей успѣха, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ его спектаклей. Начнемъ съ несовсѣмъ удачнаго по нашему мнѣнію хозяйственнаго распоряженія относительно порядка допущенія членовъ зрителями на эти спектакли и цѣнъ, назначенныхъ за входъ на нихъ съ гостей. Вѣроятно имѣя въ виду, что залъ Кружка, вмѣщающій въ себя повидимому не болѣе 300 зрителей, не можетъ дать мѣста всѣмъ членамъ, Кружокъ разрѣшилъ безплатный входъ на каждый спектакль только для ста изъ нихъ, имѣющихъ первыми подписаться на этотъ спектакль; на остальные же мѣста билеты предположено продавать гостямъ по 2 р. сер. Такой порядокъ, какъ намъ кажется, лишаетъ членовъ предоставленнаго имъ уставомъ права бесплатно посѣщать Кружокъ и пользоваться всѣми его удовольствіями. Далѣе, цѣны за входъ съ гостей слишкомъ высоки въ сравненіи даже съ цѣнами императорскихъ театровъ, на которыхъ спектакли въ отношеніи богатыхъ средствъ обстановки перещеголяютъ любительскіе. Намъ кажется, что въ

виду интересъ Кружка слѣдовало бы не ограничивать такимъ образомъ числа членовъ, имѣющихъ право безплатнаго входа въ спектакли, а предоставлять это право по предварительной запискѣ всѣмъ членамъ, конечно до цѣны, опредѣляющей вмѣстимость залы, а съ гостей, если, по запискѣ членовъ, для нихъ останется мѣсто, назначить меньшую плату и никакъ непревышающую указанной въ 76 ст. устава — 1 р. сер. Намъ вѣроятно возразятъ, откуда же Кружокъ будетъ извлекать средства для своихъ спектаклей, требующихъ значительныхъ расходовъ, если при уменьшеніи платы съ гостей уменьшится и число ихъ, а иногда и совсѣмъ ихъ не будетъ по неимѣнію мѣстъ? На это отвѣтимъ, что Кружокъ никогда не затруднится въ своихъ средствахъ, если удачнымъ выборомъ и исполненіемъ спектаклей привлечетъ къ себѣ возможно большее число членовъ; это должно повести къ расширенію Кружка количествомъ членовъ, чрезъ что увеличатся положительныя средства его, а не тѣ гадательныя доходы съ гостей, которые могутъ быть и не быть. Впрочемъ мы увѣрены, что старшины Кружка убѣдятся въ этомъ на опытѣ, который въ первые же два спектакля (30 и 31 декабря) показали, какъ мало слѣдуетъ разсчитывать на сборъ съ гостей *). Обязанности спектакля, одинаковыя по своему репертуару и исполнителямъ, состояли изъ двухъ пьесъ: «Въ чужомъ пруду похмѣлье», комедія А. Н. Островскаго, и «Дайте мнѣ старуху», шутка В. Савилова. Исполнителями были частью новички на драматическомъ поприщѣ, шедъ иногда еще не игравшіе на сценѣ, частью лица, которыя еще прежде участвовали въ разныхъ любительскихъ кружкахъ, дававшихъ свои представленія на Поварской, въ домѣ графини Марковой, на Кисловкѣ, въ театрѣ г. Секретарева, близъ Яузскаго моста, въ домѣ г. Шепелева, и проч. Эти кружки въ настоящее время разошлись и отдѣльныя личности ихъ теперь соединяются опять, будучи приглашены Артистическимъ Кружкомъ. Предполагая въ этихъ послѣднихъ исполнителяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже не одинъ десятокъ лѣтъ играютъ на разныхъ любительскихъ сценахъ, значительный запасъ опытности, мы имѣемъ право ожидать отъ нихъ совершенно отчетливаго исполненія, но не смотря на это, нѣкоторыя личности, хотя и болѣе другихъ вызвали себѣ рукоплесканій, исполнили свои роли не совсѣмъ безукоризненно. Такъ, напримѣръ, г. Сусоровъ, уже давно участвующій въ спектакляхъ, хотя, какъ опытный и талантливый актеръ, непринужденно велъ себя на сценѣ и вообще вѣрно и типично исполнилъ роль Брускова (въ ком. Островскаго), но былъ отчасти однообразенъ въ драматическихъ тонахъ своего звучнаго голоса, отчего нѣкоторые отрывки юмора пьесы пропали. Игравшій роль учителя Иванова, г. Давыдовъ, также опытный актеръ, въ патетическихъ мѣстахъ пьесы былъ положительно слабъ.

*) Въ первый спектакль ихъ было не болѣе 40, а во второй еще менѣе.

Безукоризненно былъ хорошъ г. Зарудкій, игравшій подъячаго Захара Захарыча; вѣрнѣе этотъ типъ передать нельзя; этотъ же любитель исполнилъ роль Пусторыка въ шуткѣ, но по незнанію ли роли, или отъ излишней горячности, съ которой онъ игралъ, нерѣдко сбивался чѣмъ много портилъ свою роль, для хорошаго исполненія которой повидимому имѣеть въ средства. Изъ новичковъ исполнителей болѣе другихъ понравился игравшій (въ первый разъ въ жизни) роль сына Брускова, Андришъ, г. Садовскій, сынъ знаменитаго актера московской сцены, П. М. Садовскаго; кромѣ незначительныхъ невѣрностей въ тонѣ, онъ былъ положительно хорошъ и вызвалъ много рукоплесканій. Въ исполненіи женскихъ ролей преимущественно заслуживаютъ похвалы г-жа Гогданова въ роляхъ хозяйки квартиры учителя Иванова (въ комедіи г. Островскаго) и въ особенности Клѣтковой (въ другой пьесѣ) г-жа Лазарева въ роли жены Брускова; также общаея сдѣлаться въ будущемъ полезною актрисою молодая исполнительница, игравшая роль дочери Иванова, г-жа Селезнева.

Сцена Кружка устроена весьма красиво, хотя, къ сожалѣнію, вѣроятно нашла невозможнымъ опустить мѣсто для оркестра, чтобъ онъ не заслонялъ нижней части сцены. Также гораздо бы было лучше надъ павильонами, вмѣсто паддугъ, устроить потолокъ; это увеличило бы резонансъ.

Гримировка и парикмахерская часть спектаклей Кружка поручена извѣстному въ Москвѣ специалисту этого дѣла, парикмахеру В. Тимофееву, который довѣлъ свое искусство до того, что повидимому не имѣетъ въ Москвѣ себѣ соперниковъ.

Въ заключеніе скажемъ, что нѣкоторые артисты императорскихъ театровъ принимаютъ большое участіе въ успѣхѣ спектаклей Артистическаго Кружка. Такъ, напримѣръ, Н. Е. Вильде принялъ на себя трудную обязанность режиссера, а П. М. Садовскій внесъ въ Кружокъ 300 р. въ ознаменованіе своего сочувствія къ новой дѣятельности Кружка.

Н. Леонтьевъ.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ ПѢВЦЕЙ.

I.

Какъ соловей, поете вы съ душою,
Но вотъ бѣда,
Что тотъ поетъ одной весною,
А вы—всегда.

У.

II.

Слышалъ я, пѣвали альтомъ,
Какъ дѣтки, протяжно въ носъ,
Но такимъ густымъ контральтомъ
Пѣть не всякому далось.
Этимъ нотамъ контральтовымъ,
Какъ мычанію коровъ,
Каждый разъ съ восторгомъ новымъ
Удивляться я готовъ.

У.

С М Ъ С Ь.

На московскую сцену ангажирована одна любительница, игравшая въ Кружкѣ любителей драматическаго искусства подъ фамиліею Воздвиженской, а нынѣшней осенью дебютировавшая на петербургской сценѣ подъ фамиліею Зориной. На нашу же сцену ангажирована г-жа Турчанинова на вакансію пѣвицы Ильиной, оставившей службу при московскомъ театрѣ.

На этомъ же театрѣ, до наступленія великаго поста, кромѣ уже объявленнаго завтра бенефиса г. Владиславлева, предполагаются слѣдующіе бенефисы: на Маломъ—г. Шумскаго. На этомъ бенефисѣ пойдетъ пѣса графа Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго». На Большомъ театрѣ предполагаются бенефисы гг. Раппорта и Демидова и г-жъ Опоге и Меньшиковой. Въ бенефисѣ г-жи Опоге пойдетъ опера Глинки *Русланъ и Людмила*, уже двадцать лѣтъ неизгнанная на московской сценѣ, а г-жа Меньшикова предполагаетъ дать *Невѣсту лунатикъ* Беллини, въ которой роль Эльвины будетъ исполнять г. Раппортъ. Бенефиса г-жи Собошанской не будетъ: вмѣсто него она получила отъ дирекціи денежное вознагражденіе. Составъ же бенефисовъ гг. Демидова и Раппорта еще неопредѣленъ.

Дозволены къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою слѣдующія пѣсы: 1) *Разочарованные*, комедія въ 1 дѣйствіи графа Соллогуба, 2) *Княжна Маша*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, 3) *Племеникъ—дядя* (Der Nefle, als Onkel), комедія въ 3 дѣйствіяхъ, передѣланная Шиллеромъ изъ Пикара (въ двухъ переводахъ, гг. Селиванова и Хмурова) и 4) *Риголетто*, опера въ 4 дѣйствіяхъ, переводъ Руднева.

Извѣстно, что императорскіе театры въ Россіи свозятъ артистовъ на спектакли и репетиціи въ экипажахъ, содержимыхъ на счетъ дирекціи этихъ театровъ. Подобная роскошь не существуетъ, если не ошибаемся, ни при одномъ изъ иностранныхъ театровъ. Но если принять въ соображеніе климатъ Россіи, измѣнчивость и болѣею частью дурное состояніе погоды въ Москвѣ и Петербургѣ, а также трудность и дороговизну сообщенія въ этихъ столицахъ, особенно въ Москвѣ, то роскошь эта представится уже не роскошью, а почти необходимостью. Въ Москвѣ доселѣ привозили въ спектакли и отвозили только актеровъ, актрисъ, пѣвцовъ, пѣвицъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, а хористы и хористки не пользовались дирекціонными экипажами и принуждены были на спектакли и на репетиціи, а также и обратно, ходить пѣшкомъ, или нанимать пѣвозчиковъ. Такое положеніе, при дальнихъ разстояніяхъ Москвы, при нашемъ климатѣ и при скудномъ содержаніи нашихъ хористовъ, было весьма плачевное. Хористка усталая, послѣ спектакля, въ глухую ночь, въ сыкость, дождь, снѣгъ, или морозъ должна была отправляться домой пѣшкомъ, (болѣею частью довольно

далеко, такъ какъ вблизи театра квартиры дороги), часто не имѣя на что нанять даже *ваньку*. Положеніе незавидное, при которомъ нелегко сохранять голосъ. Съ нынѣшняго года дирекція нашла возможнымъ и хористокъ привозить въ спектакли и отвозить по окончаніи ихъ также въ дирекціонныхъ экипажахъ. Нельзя не поблагодарить за такое распоряженіе и не пожелать, чтобы дирекція нашла подобную же возможность привозить въ спектакли и отвозить по ихъ окончаніи и экстерныхъ воспитанницъ, участвующихъ въ спектакляхъ, а то бѣдныя дѣвушки должны отпрапляться усталыя, ночью, изъ театра пѣшкомъ. Затѣмъ надо будетъ позаботиться и о свозкѣ хористовъ и экстерныхъ воспитанниковъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена телеграмма изъ Кіева, въ которой извѣщаютъ, что 18-го декабря тамъ дана опера «Жизнь за Царя». Фуроръ страшный. Публика требовала народный гимнъ нѣсколько разъ. Исполнители оперы: Сусанинъ—Львовъ, Антониды—Біанки, Вави—Михайловская, Сабининъ—Кравцовъ.

Мы получили извѣстіе изъ Смоленска, что тамъ въ настоящее время играетъ молодая артистка нашего театра, г-жа Струкова, принадлежащая къ хору московской оперы и появлявшаяся и на московской сценѣ въ роляхъ разныхъ опереттъ, какъ напр. въ *Орфей въ аду*, въ *Десяти невѣстахъ* и *Шалуняхъ*. Г-жа Струкова пользуется въ Смоленскѣ большимъ успѣхомъ, въраетъ почти каждый спектакль и репертуаръ ея очень обширенъ: она играетъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Въ бенефисъ ея были поднесены ей: нѣсколько букетовъ, два золотыхъ браслета и бриллиантовые брошь и серьги. На одномъ изъ браслетовъ вырѣзана надпись: «Въ бенефисъ Анастасіи Михайловны Струковой, въ знакъ признательности къ ея таланту и въ память отъ смоленскихъ любителей сценическаго искусства», а на лентѣ одного изъ букетовъ напечатаны золотомъ 32 имени поднесшихъ подарковъ. Другой актрисѣ смоленскаго театра, г-жѣ Бороздиной, въ ея бенефисъ, тоже былъ поднесенъ подарокъ.

Въ «Independance Belge» пишутъ изъ Антверпена отъ 26 декабря, что представленіе въ Одеонѣ, въ честь королевы греческой, софокловой «Антигоны», много разъ откладывавшееся по причинѣ дурной погоды, состоялось, наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ. Холодное время и трудности, сопряженные съ постановкою пьесы, были причиною того, что трагедія не вполне удалась и не оправдала ожиданій избранной публики, присутствовавшей при представленіи одного изъ прекраснѣйшихъ произведеній древнихъ классиковъ.

Одинъ пѣвозчикъ въ Прагѣ приговоренъ къ двухдневному аресту за рукоплесканія русскому народному гимну.

Въ *Русскій Инвалидъ* пишутъ изъ Парижа, что одна русская дама, г-жа М—ва, учившаяся пѣнію у профессора *Дюпре*, собирается, говорятъ, дебютировать въ парижской италіанской оперѣ.

Туда же пишутъ изъ Парижа: «Въ прошломъ году литературные интересы имѣли публичную арену въ *Атенеи*. Тамъ происходили конференціи въ перемежку съ концертами. Конференціи были часто блестящія. Францискъ Сарсэ въ особенности выделялся своею энергическою дикціею и удачнымъ выборомъ бесѣды. Теперь *Атенеи* превращенъ въ театръ, гдѣ будетъ даваться всякая дрсбедень, съ обнаженіемъ тѣлесъ. Поставленный, для открытія, фарсъ «Мальбругъ въ походѣ по-хадъ» не обѣщаетъ ничего добраго. Бывшій антрепренеръ конференцій въ *Атенеи*, г. Гапри, образуетъ компанію на акціяхъ, съ капиталомъ 20,000 франковъ. для открытія новой залы. Спрашивается, для кого нужно было превращать *Атенеи* въ театръ? То и дѣло слышное о банкротствахъ разныхъ дирекцій. Свобода театровъ не за тѣмъ же возсіяла надъ драматическимъ міромъ, чтобы безъ всякаго смысла и толка открывать лавочки безвкусныхъ куплетовъ и намазанныхъ жепскихъ плечъ!»

Въ *Avenir National* пишутъ, отъ 22-го декабря (3-го января): «Не въ одномъ только театрѣ С. Мартенскихъ Бороть право свистать подверглось спору и вызвало прискорбное столкновение съ полицейскими агентами. Въ субботу, въ театрѣ *Varietes* давали обзоръ—*Paris tout entier*—гг. Клервилля, Спродена и Блюма. Въ ту минуту, когда на сценѣ явилась статуя Вольтера, въ сопровожденіи утокъ и гусей, въ нѣсколькихъ концахъ залы послышался свистки. Въ ту же минуту полицейскіе агенты нахлынулись на свистав-

шихъ и схватили за воротъ троихъ изъ нихъ: купца Эрнеста, медицинскаго студента Эжена и студента юридическаго факультета Эвариста Пуатевена. Насильно выведенные изъ театра, трое свиставшихъ молодыхъ людей были отправлены въ канцелярію полицейскаго комиссара, гдѣ ихъ стали допрашивать простой чиновникъ; но онъ должепъ былъ умолкнуть передъ сдѣланнымъ ему замѣчаніемъ, что онъ не слѣдственный судья. Вскорѣ появился самъ комиссаръ и, признавъ за зрителями въ театрѣ право шикать и свистать, предложилъ молодымъ людямъ возвратиться въ театръ съ условіемъ, что они воздержатся отъ всякихъ залвлений неудовольствіемъ,—на что, конечно, они не согласились, отстаивая свое право свистать, когда имъ покажется это нужнымъ. Вотъ фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ въ письмѣ, адресованномъ намъ гг. Мартиномъ и Пуатевеномъ. Авторы письма главнымъ образомъ жалуются на живость (мы сильно смягчаемъ употребленное въ письмѣ выраженіе, дабы не вносить ничего раздражающаго въ обсуждаемый вопросъ), съ какою полицейскіе агенты схватили и потащили ихъ. Если свистъ составляетъ преступленіе, то, во всякомъ случаѣ, можно было бы дѣлать нѣкоторое различіе между злодѣями и свистящими господами, и обращаться съ этими послѣдними нѣсколько иначе, чѣмъ обращаются съ отъявленными негодяями. Мы обращаемъ на это вниманіе г. префекта полиціи, и къ слѣдствію, наряженному имъ по поводу пропешествія въ театрѣ С. Мартенскихъ Бороть, онъ можетъ присоединить теперь другое, по поводу не менѣе прискорбнаго пропешествія въ театрѣ *Varietes*.»

Редакторъ В. Родиславскій.

Издатель А. Пономаревъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

РАЗОЧАРОВАНШЫЕ,

комедія въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненіе графа В. А. Соллогуба.

Цѣна 75 коп. сер.

Можно получать въ конторѣ типографіи при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театрахъ, Т. Руса, у Мясницкихъ воротъ, домъ Воейкова, и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Покупателямъ 100 экземпляровъ дѣлается 25% уступки.

ВЪ МОДНОМЪ МАГАЗИНѢ

ШАРЛЬ,

на Петровкѣ, домъ Раевской,

DEPOT

de l'eau des fées de Sahra Felix, de l'huile du docteur Oldendorff (pour la jeunesse perpétuelle des cheveux) et des meilleurs cosmétiques et parfumes pour dames.

COIFFURES ET ROBES DE BAL.

2—1.

Съ 1868 г. выходитъ въ Москвѣ новая газета

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ будутъ давать отчетъ о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ жизни политической и общественной. Сохраняя характеръ политическій, газета не будетъ упускать событій, имѣющихъ общественное значеніе, въ какой бы они области ни совершались: въ мірѣ религіозномъ, ученомъ, художественномъ, литературномъ, торговомъ, промышленномъ и въ области общественнаго быта, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова.

Главныхъ отдѣловъ будетъ три: I. Внутреннія Извѣстія, II, Иностранныя Извѣстія и III, Частныя Объявленія.

Преимущественнымъ содержаніемъ ВНУТРЕННИХЪ ИЗВѢСТІЙ будутъ: правительственныя распоряженія, судебныя засѣданія, засѣданія городскихъ и земскихъ собраній, ученыхъ, хозяйственныхъ и литературныхъ обществъ, торговыя и промышленныя новости, событія церковныя, движеніе народнаго просвѣщенія, новыя открытія, замѣчательнѣйшія кнѣжи и художественныя произведенія, общественныя зрѣлища и увеселенія, удѣльныя происшествія, замѣчательныя естественныя событія и т. п.

Отдѣлъ ИНОСТРАННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ занятъ будетъ, по преимуществу, извѣстіями политическими и экономическими. Явленія въ области высшихъ нравственныхъ интересовъ будутъ находить мѣсто, когда съ ними соединяется всемірное значеніе, или же когда прикасаются къ интересамъ русскимъ.

По важнѣйшимъ вопросамъ, въ отдѣлахъ Извѣстій, наряду съ изложеніемъ событій, будутъ даваемы руководящія статьи. Вопросамъ литературнымъ и судебнымъ будутъ посвящены во Внутреннихъ Извѣстіяхъ два подраздѣленія въ видѣ 1) *Хроники Литературной* и 2) особаго отдѣла *Юридической Хроники*.

Такова утвержденная программа газеты. Въ дальнѣйшихъ общеніяхъ нѣтъ нужды. Тѣ немногіе, кому извѣстна прежняя дѣятельность издателя въ печати, могутъ знать, чего ожидать. А для тѣхъ, безчисленно многихъ, кому имя издателя совершенно неизвѣстно, общенія преждевременны: пусть судятъ въ послѣдствіи по самому дѣлу. Ограничимся исчисленіемъ внѣшнихъ условій изданія.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ выходятъ безъ предварительной цензуры.

Полное годовое изданіе будетъ состоять изъ 360 номеровъ; за исключеніемъ пяти или шести дней въ году, газета будетъ выходить ежедневно.

Каждый № будетъ заключать листъ средняго формата, съ четырьмя колоннами убористаго шрифта на страницѣ.

Подписная цѣна для *московскихъ* подписчиковъ, съ доставкою на домъ: за годъ *пять* рублей, за полгода *два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, за четверть года *одинъ* рубль *двадцать пять* копѣекъ, за одинъ мѣсяць *пятьдесятъ* коп. Для *иностранныхъ*, съ пересылкою: за годъ *шесть* рублей, за полгода *три* рубля, за треть года *два* рубля, за одинъ мѣсяць *сорокъ пять* коп.

Служащія лица, по принятому въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ обычаю, вносятъ за газету деньги съ разсрочкою, за ручательствомъ казначеевъ.

Объявленія принимаются къ печатанію съ платою *пяти* копѣекъ за строку и выше, смотря по занимаемому мѣсту.

Подписка открыта въ Москвѣ въ конторѣ *Современныхъ Извѣстій*, близъ Москворѣцкаго моста, въ домѣ Купеческаго Общества; у книгопродавцевъ: *Соловьева* на Страстномъ бульварѣ, *Осиповича*, *Салаева*, *Приснова* на Никольской, *Большикова* въ Охотномъ ряду; въ магазинахъ: *Нерадовскаго* на Кузнецкомъ мосту, *В. О. Кореценко* на Мясницкой, противъ дома Чертова, *И. О. Кореценко* на углу Охотнаго ряда и Тверской, *Матвѣева* у Иверскихъ воротъ, *Руднева* близъ Боговиленія въ Елоховѣ, *Руднева* на Нѣмецкомъ рынкѣ.

Въ *Петербургѣ*, на Невскомъ проспектѣ: въ книжномъ магазинѣ *Давыдова*, противъ Казанскаго собора, *Исачкова* въ Гостинномъ дворѣ, по Суконной линіи, и въ магазинѣ *Гарднера* въ Милютинскихъ лавкахъ.

Иногородные обращаются прямо въ Контору СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ въ Москву, или въ Газетныя Экспедиціи столбчатыхъ Почтамтовъ.

Московскіе подписчики могутъ присылать свои требованія въ контору письменно, по городской почтѣ. Но письмо должно быть *безъ вложенія денегъ*; по данному адресу, въ день и часть, назначенный письмомъ, блегъ на полученіе СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ будетъ доставленъ подписчику на домъ, при чемъ доставитель билета приметъ и причитающіяся по подпискѣ деньги.

Для удобства гг. *Иногородныхъ*, при конторѣ СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ, вмѣстѣ съ подпискою на газету, основывается *Книжная Торговля*; заведующіе ею обязаны, по условію, заключенному съ редакціею, исполнять всѣ требованія по выпискѣ книгъ точно и добросовѣстно.

Издатель-Редакторъ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

ВЪ КОНТОРѢ КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о.

На Мясницкой, противъ дома Г. Чертова.

ПРОДАЖА И ПОКУПКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.

ПРОДАЖА, ПОКУПКА И ССУДЫ ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ суммъ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.